

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
 » съ доставкою . . . 13 р. 50 к.
 » съ пересылкою . . . 15 р.
 Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева и
 А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

1 ГОДЪ. ТОМЪ I № 13.
 22 МАРТА 1869 г.

Государственная
 ордена Св. на
 БИБЛИОТЕКА ССЗР

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦІИ

ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ

Журналъ ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ выходитъ еже-
 недѣльно въ форматѣ большого двойнаго листа въ 16
 страницъ.

НАХОДИТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ,
 НА БОЛЬНОЙ САДОВОЙ УЛИЦѢ, ВЪ ДОМѢ
 ИЛЬИНА, № 16.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутренняя и внѣшняя политика.—Внутреннія извѣстія.—Иисусъ Христосъ и св. Іоаннъ Богословъ, статуи Торвальдсена.—Ламартинъ.—Статуи св. Кирилла и Мефодія въ Пражскомъ Тынскомъ соборѣ.—Бывшія русскія владѣнія въ Америкѣ. Колоши. (окончаніе).—Корреспонденція изъ Вильны.—Защита береговъ минами.—Наши частные музеи и кабинеты III.—Обзоръ журналовъ IV и V.—Корреспонденція изъ Парижа.—Бирманія.—Фельетонъ.—Шахматная задача № 9.—Объявленія.

РИСУНКИ: Иисусъ Христосъ и Св. Іоаннъ Богословъ; статуи Торвальдсена. — Альфонсъ де-Ламартинъ. + 17 февраля (1-го марта) 1869.—Статуи св. Кирилла и Мефодія въ Пражскомъ Тынскомъ соборѣ.—Опытъ защиты рѣки Шельды взрывомъ минъ по способу Шазаля.—Примѣненіе камеръ-обскуры къ защитѣ портовъ и пограничныхъ рѣкъ.—Кресло XVI вѣка, изъ собранія князя Паскевича.—Бирманія: Пагода дракона, по дорогѣ изъ Пагана въ Амарapura; Монастырь, построенный изъ кирпича амарapuraскимъ правителемъ; Артиллерія на слонахъ; Лѣстница, ведущая въ главную пагоду.—Карикатуры.

Иисусъ Христосъ и Св. Іоаннъ Богословъ. (Статуи Торвальдсена).

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.

19 Марта 1869 г.

Въ эсто-латышскомъ краѣ положено наконецъ начало тѣхъ необходимыхъ для этой страны экономическихъ преобразований, которые должны объединить Балтійское поморье самымъ надежнымъ приемомъ объединения—равноправностію тамошнихъ крестьянъ съ крестьянами прочихъ частей Имперіи. Высочайшимъ указомъ, обнародованнымъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», установлены правила новаго устройства экономического быта для государственныхъ крестьянъ эсто-латышскихъ губерній. Эти правила въ главныхъ своихъ чертахъ совершенно сходны съ основаніями новаго устройства государственныхъ крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Поселенные на государственныхъ земляхъ, крестьяне получаютъ въ наследственное пользованіе занимаемую ими землю съ прирѣзкой къ ней угодій тамъ, гдѣ это окажется нужнымъ. За такое право наследственного пользованія, утверждаемое особыми актами, крестьяне обязаны платить государству опредѣленный разъ навсегда оброкъ. Если же они захотятъ выкупить въ полное владѣніе занимаемую ими землю, то могутъ сдѣлать это постепеннымъ выкупомъ посредствомъ взноса процентовъ и погашенія, въ размѣрѣ 5% съ цѣнности земли, уплачиваемыхъ въ теченіи 46 лѣтъ. Въ этомъ случаѣ имъ немедленно же выдаются купчія крѣпости и они тотчасъ же дѣлаются полноправными собственниками.

Такова въ главныхъ чертахъ важная мѣра, создающая наконецъ въ Эсто-Латышскомъ краѣ довольно значительныя группы крестьянъ-собственниковъ, обрабатывающихъ свою землю и избавленныхъ отъ печальной необходимости искать средствъ къ существованію въ томъ сельскомъ арендаторствѣ и батрачествѣ, которые такъ значительно ослабляютъ смыслъ и благотѣльное вліяніе личной свободы, уже давно дарованной эстамъ и латышамъ, но не принесяшей имъ въ теченіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ и соотой доли матеріальной и нравственной пользы, принесенной русскимъ крестьянамъ въ девять лѣтъ соединеніемъ личной свободы съ земельнымъ надѣломъ. Русская пословица говоритъ «лиха бѣда начало» и мы вполне увѣрены, что новая обстановка быта бывшихъ государственныхъ крестьянъ эсто-латышскихъ губерній не останется безъ благотворнаго вліянія на условия быта ихъ сосѣдей, крестьянъ, арендующихъ и обрабатывающихъ помѣщичьи земли. Нынѣшнее положеніе этихъ послѣднихъ не можетъ долго оставаться безъ измѣненій. Настанетъ минута—и она уже недалеко, когда разница между условиями ихъ быта и условиями быта крестьянъ всей остальной Россіи сдѣлается до того рѣзкою, что самая сила исторического закона, недопускающаго такой разницы между подданными одного и того же благоустроеннаго государства, приведетъ тѣмъ или другимъ путемъ къ сознанію необходимости покончить съ вопіющею и до извѣстной степени даже опасною въ политическомъ отношеніи аномаліею. Было бы очень грустно думать, что дворянство прибалтійскихъ губерній отстанетъ въ этомъ случаѣ отъ дворянства губерній внутреннихъ, взявшаго на себя часть почина той великой реформы, которая, безъ всякихъ потрясеній и катастрофъ, столь радикально измѣнила къ лучшему положеніе русскихъ крестьянъ. Надо отъ души желать, чтобы помѣщики прибалтійскаго края, имѣя теперь передъ глазами примѣръ правительства, и ужъ конечно никакъ не могущіе утверждать, что положеніе ихъ крестьянъ не нуждается ни въ какихъ улучшеніяхъ, надо желать, говоримъ мы, чтобы эти помѣщики сами взяли на себя повинность того дѣла, которое съ ихъ содѣйствіемъ или безъ ихъ содѣйствія, а все такъ неизбежно совершится и совершится притомъ въ весьма недалекомъ будущемъ, какъ только окончится новое гражданское устройство всей остальной Россіи съ гласнымъ судомъ, мировыми учреждениями и земскимъ самоуправленіемъ.

Третьяго дня окончились засѣданія очереднаго С.-Петербургскаго дворянскаго собранія, созданнаго для выборовъ на должносты замѣщаемыя отъ дворянства. Засѣданія продолжались болѣе недѣли, но собственно выборы были произведены только въ послѣдніе дни и такъ сказать на скорую руку. Губернскій предводитель былъ избранъ чуть не въ послѣднюю минуту. По отказу всѣхъ предложенныхъ кандидатовъ отъ баллотировки, дворяне, такъ сказать врасплохъ, обратились къ графу Бобринскому и послѣ продолжительнаго сопротивленія

съ его стороны, убѣдили графа наконецъ баллотироваться. Г. Бобринскій былъ избранъ единогласно.

Все время предшествовавшее выборамъ, было посвящено дворянами преимуществу на обсужденіе вопроса о *дворянскихъ опекахъ*. Вопросъ этотъ былъ поднятъ по тому случаю, что правительствомъ обрабатывается въ настоящее время проектъ слитія воедино всѣхъ опекунскихъ учреждений и передачи ихъ въ вѣденіе земства. Дворянство С.-Петербургской губерній, сколько можно было замѣтить изъ преній, не раздѣляетъ мнѣнія правительственныхъ сферъ о пользѣ и цѣлесообразности подобныхъ слитія и передачи. Во время преній въ средѣ дворянскаго собранія высказано было два мнѣнія по этому вопросу. Одни просто находили необходимымъ сохранить дворянскія опеки въ ихъ нынѣшнемъ видѣ, другіе же предлагали цѣлый проектъ приуроченія сиротскихъ судовъ къ дворянскимъ опекамъ и слѣдовательно передачи въ руки дворянства всѣхъ опекунскихъ учреждений. Проектъ этотъ однакожъ не былъ принятъ и дворянство ограничилось заявленіемъ, что желательно сохранить за дворянскими опеками ихъ сословный характеръ. Во время преній, дворянами Шлиссельбургскаго уѣзда была высказана та мысль, что дворянскихъ опекуновъ потому не слѣдуетъ преобразовывать, что онѣ, по ходу историческихъ событій, ведущему прямо къ сліянію всѣхъ сословій, составляютъ учрежденіе отживающее и не имѣющее будущности.... Мы однако никакъ не рѣшимся утверждать, что рѣшеніе большинства хоть сколько нибудь основывалось на такомъ взглядѣ, какъ онъ ни вѣренъ самъ по себѣ.

Биржевая катастрофа, на возможность которой мы указывали въ нашей прошлой лѣтописи, говоря о неестественномъ повышеніи билетовъ лотерейныхъ займовъ—совершилась скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Билеты эти, достигнувъ съ немовѣрной быстротою до 185 р., вдругъ, чуть не въ одинъ день, упали на цѣлые двадцать рублей и до сихъ поръ еще продолжаютъ падать. Случилось это конечно оттого, что масса владѣльцевъ этихъ билетовъ, не участвовавшая въ игрѣ на ихъ повышение, соблазнилась высокой цѣной ими достигнутой и наводнила финансовый рынокъ своими бумагами. Подобный приливъ, въ минуту напряженнаго повышенія цѣнъ, всегда неизбежно вызываетъ панику. Такъ случилось и нынѣ. Билеты лотерейныхъ займовъ вдругъ упали до 165 рублей и по всей вѣроятности уже болѣе не поднимутся до прежнихъ сумашедшихъ цѣнъ. Спекуляторамъ, покупавшимъ ихъ на сроки (преимущественно на іюнь), приходится нынѣ выплачивать крупную разницу, и многіе изъ нихъ находятся въ крайне при- скорбномъ положеніи. Одинъ такой господинъ уже исчезъ, и весьма вѣроятно, что за нимъ послѣдуютъ многіе. Таковъ то былъ дебютъ «Демутовой биржи»... Первый блинъ вышелъ комомъ, но врядъ ли это остановить спекуляторовъ и положить конецъ ихъ смѣлымъ и вреднымъ продѣлкамъ.

Чтобы покончить съ финансовыми вопросами, поднятыми за послѣднее время, намъ остается еще упомянуть объ указѣ, которымъ возобновляется чеканка золотой монеты трехъ-рублевого достоинства. Въ указѣ сказано, что новая монета будетъ выпускаться «по мѣрѣ надобности», но необъяснено поводовъ, вызвавшихъ ее возобновленіе. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ ходятъ слухи, будто она предназначена для обмѣна бумажныхъ денегъ, которые намѣреваются будто-бы изъять изъ обращенія въ весьма значительномъ количествѣ.

Въ западной Европѣ положеніе политическихъ дѣлъ находится въ состояніи крайней неопредѣленности. Всѣ политическія комбинаціи, о которыхъ ходили слухи за послѣднее время, повидимому или вовсе не состоялись или же отсрочены на будущее время. О франко-итальянско-австрійскомъ союзѣ нѣтъ и рѣчи, онъ, повидимому окончательно не состоялся, доказательствомъ чему служатъ слухи о новой комбинаціи, по которой Австрія и Італія обязываются будто бы соблюдать строжайшій нейтралитетъ въ случаѣ столкновенія между Франціей и Пруссіей. Впрочемъ и этотъ слухъ врядъ ли имѣетъ какое нибудь положительное основаніе, потому что Бейсть вовсе не расположенъ къ нейтральной политикѣ; напротивъ, во все послѣднее время, постоянно обнаруживалъ стремленіе вывести Австрію на путь политики дѣятельнаго вмѣшательства въ общеевропейскія дѣла.

Франко-бельгійское столкновеніе еще не пришло къ исходу. Правда, французскіе офиціозные журналы увѣряютъ, будто-бы все улажено и Бельгія уступила настояніямъ тюльерійскаго правительства,

но въ этихъ увѣреніяхъ очень много преувеличеннаго, и изъ другаго лагеря идутъ совершенно иные слухи. Большая часть бельгійскихъ журналовъ продолжаютъ настойчиво утверждать, что брусельское правительство и не думало рѣшаться на какія нибудь уступки и что предстоящая (впрочемъ нынѣ отсроченная) поѣздка главы Бельгійскаго министерства Фреръ-Орбана, въ Парижъ, вовсе не доказываетъ его намѣренія уступить, а является только результатомъ желанія отсрочить минуту дипломатическаго разрыва между Франціей и Бельгіей.

Во внутренней политикѣ Франціи тоже не происходитъ ничего новаго. Въ парижскихъ административныхъ сферахъ водворилось какое-то затишье, весьма странное въ настоящую минуту, когда уже весьма недалеко эпоха выборовъ. Наполеонъ и его совѣтники, обнаруживавшіе обыкновенно прежде въ подобныя эпохи необыкновенную, лихорадочную дѣятельность, нынѣ погрузились въ какое то странное бездѣйствіе. Въ самомъ императорѣ это бездѣйствіе вѣроятно результатъ усталости, которая вообще отзывается на всѣхъ его поступкахъ за послѣднее время, но бездѣйствіе министровъ Наполеона объясняется совершенно другими побужденіями. Оно происходитъ, какъ утверждаютъ люди близко знакомые съ ходомъ дѣлъ, отъ того антагонизма, который уже давно господствуетъ между членами французскаго министерства, и въ особенности между государственнымъ министромъ Руаромъ и военнымъ министромъ Ніелемъ.

Въ Испаніи кортесы до сихъ поръ еще не пришли ни къ какому опредѣленному рѣшенію на счетъ окончательной формы правленія, ни на счетъ лица, которое будетъ избрано главою этого правительства. Между тѣмъ въ разныхъ городахъ пиринейскаго полуострова безпрестанно вспыхиваютъ безпорядки; различныя партіи, карлисты, изабелисты и т. д., то тамъ, то тамъ пробуютъ доставить торжество своимъ стремленіямъ, кровь льется почти повсюду, а въ Мадридѣ въ это время члены временнаго правительства только о томъ и думаютъ, чтобы продлить свое нынѣшнее положеніе.

На Востокѣ тоже ничего утѣшительнаго не замѣчается. Турецкое правительство бездѣйствуетъ; въ Греціи идутъ дѣятельныя вооруженія; въ славянскихъ провинціяхъ Оттоманской Порты неудовольствіе все растетъ и растетъ. Въ Сербіи идутъ приготовленія къ собранію «великой скупщины», т. е. учредительнаго собранія, которое должно работать для Сербовъ новую конституцію. Весь Востокъ повидимому спокоенъ, но за этимъ спокойствіемъ слышится что то смутное, предвѣщающее новую и, по всей вѣроятности, серьезную бурю.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Придворныя извѣстія.

11-го марта. Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій съ супругою, Принцессою Евгеніею Максимиліановною, изволили отправиться за границу.

— 15-го марта, въ 2 часа 10 минутъ по полудни, Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій изволили отправиться на Кавказъ.

— Въ понедѣльникъ, 10-го марта, Государь Императоръ изволили принимать губернаторовъ: ковскаго—въ званіи камергера д. ст. с. князя Оболенскаго, минскаго—д. ст. с. Касинова, и тульского генерал-майора Шидловскаго.

Дворянскія собранія.

Въ Вологдѣ 12-го февраля происходило открытіе обыкновеннаго губернскаго собранія дворянства, для производства выборовъ на слѣдующее трехлѣтіе.

— Въ Петерб. Вѣст. пишутъ: С.-Петербургское губернское дворянское собраніе окончило свою дѣятельность.

15-го марта въ дворянскомъ собраніи происходили выборы. Въ уѣздные предводители дворянства выбраны: по Петербургскому уѣзду князь П. Н. Трубецкой; по Шлиссельбургскому баронъ П. Л. Корфъ; по Царскосельскому А. П. Платоновъ; по Петергофскому—М. А. Агриянцевъ; по Ямбургскому графъ Н. Е. Сиверсъ; по Новолодожскому—Карауловъ; по Гдовскому—князь П. И. Салтыковъ; по Лужскому—Скобелыцынъ. Въ губернскіе предводители избранъ графъ Бобринскій, не получившій изъ 111 шаровъ ни одного чернаго.

Желѣзныя дороги.

— Въ здѣшнихъ коммерческихъ кружкахъ ходятъ слухи, что на дняхъ утверждена будетъ концессія на ковенско-либавскую желѣзную дорогу. За кѣмъ утверждена будетъ эта концессія, пока еще положительно неизвѣстно, одни говорятъ, что она утверждена будетъ за либавскимъ первой гильдіи купцомъ Шнобелемъ, а другіе—за г. Варгуниннымъ.

— Въ «Московскія Вѣдомости» пишутъ изъ Петербурга, что тамъ ожидается на дняхъ г. Генри, предсѣдатель синдиката, составившагося въ Лондонѣ для постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Агенты этого синдиката,

гг. Девисъ и Рониеръ, уже нѣсколько недѣль какъ находятся въ Петербургѣ. Первоначальное предложеніе ихъ состояло въ томъ, чтобъ взять на себя постройку вѣхъ еще нерозданныхъ линій первой категоріи, съ общемою гарантіей правительства въ 3 1/2% съ поверстной цѣны, опредѣляемой по соглашенію синдиката съ министерствомъ финансовъ (слѣдовательно безъ конкуренціи, въ чемъ все дѣло), причемъ синдикатъ обязывался не выпускать никакихъ кредитныхъ бумагъ прежде приведенія къ окончанію сооруженія каждой изъ принятыхъ линій. Дальнѣйшія обязательства состояли въ томъ, чтобъ большинство въ совѣтѣ управленія предпріятіемъ было изъ лицъ русскаго происхожденія, чтобъ подряды на постройки давались русскимъ подрядчикамъ и, наконецъ, чтобъ правительство имѣло право на участіе въ прибыляхъ предпріятія, если онѣ превзойдутъ извѣстную норму. Но всѣ эти блестящія предложенія сдѣланы, какъ видно, съ тою цѣлію, чтобъ оказалось удобопріемлемымъ главное условіе—устраненіе конкуренціи. Слышно, впрочемъ, что если правительство не снизойдетъ на это условіе, столь явно нарушающее законность, то упомянутый синдикатъ готовъ удовольствоваться доставкой капитала, на первый разъ, для какой-нибудь одной изъ проектированныхъ дорогъ, и преимущественно имѣть виды на ковно-либавскую, харьковско-севастопольскую и екатеринбургско-тюменскую линіи, настаивая, впрочемъ, какъ увѣряютъ, все-таки на нѣкоторомъ ограниченіи конкуренціи.

— Въ нѣкоторыхъ газетахъ сообщаютъ, что желѣзная дорога отъ С.-Петербурга до Выборга будетъ открыта 30 августа.

— *Виржевия Вѣдомости* передаютъ, что работы по сооруженію дороги отъ Сергіевскаго посада въ Ярославль производятся весьма дѣятельно. Надѣются, что къ будущему маю откроется пассажирское движеніе до г. Александрова, а осенью до Ярославля.

— Въ *Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* пишутъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ, отъ 29-го минувшаго января, сообщилъ пензенскому губернскому предводителю дворянства, генералъ-лейтенанту Арапову, что докладныя записки: а) уполномоченныхъ пензенскаго губернскаго земскаго собранія и пензенскаго городского общества, по ходатайству о проведеніи Моршанско-Пензенской желѣзной дороги, и б) уполномоченныхъ отъ земства губерній Пензенской и Самарской и уѣздовъ Кузнецкаго и Сызранскаго о направленіи желѣзной дороги въ Самару, препровождены, по Высочайшему повелѣнію, къ генералъ-адъютанту графу Строганову, для внесенія въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ на разсмотрѣніе при первой возможности. За тѣмъ получено было извѣстіе, что разсмотрѣніе этихъ записокъ въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ назначено въ первой половинѣ марта.

Университеты.

— Въ «Петер. Вѣд.» пишутъ: Въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано, что по распоряженію военнаго министра лекціи въ Императорской Медико-Хирургической Академіи прекращены. Еще наканунѣ 14-го числа, въ часъ ночи, полицейскимъ приставамъ было предписано объявить о прекращеніи лекцій въ Академіи вѣмъ проживающимъ въ столицѣ медицинскимъ студентамъ; но какъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ ночи полиція не было никакой физической возможности въ точности исполнить это распоряженіе, то 15-го марта нѣсколько сотъ студентовъ, прибывъ къ зданію Академіи и не будучи допущены въ аудиторіи, собрались на Невѣ у Литейнаго моста. Однакоже, по первому приглашенію полиціи всѣ они разошлись безъ всякихъ возраженій. Поводомъ къ приостановленію лекцій были, какъ мы слышали, безпорядки, произведенныя студентами вслѣдствіе отклоненія академическимъ начальствомъ нѣкоторыхъ ходатайствъ ихъ, заявленныхъ еще съ прошлаго года.

— Русское Варшавское Общество, желая ознаменовать день востанія на престолъ Царя-Освободителя, рѣшило устроить при Московскомъ университетѣ стипендію для крестьянскихъ дѣтей.

— Профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ анатоміи здороваго человѣка, И. М. Соколовъ, по окончаніи 25-ти лѣтней службы, не былъ вновь избранъ совѣтомъ профессоровъ 6-го марта.

— Ректоръ университета св. Владиміра напечаталъ въ № 28 *Кіевлянина* опроверженіе противъ статьи «*Жур. Мин. Нар. Просв.*», гдѣ университетъ обвинялся: 1) въ систематической забалотировкѣ профессоровъ и 2) въ незамѣщеніи вакантныхъ кафедръ. Г. Ректоръ фактами опровергаетъ такіе обвиненія. Онъ говоритъ также, что историко-филологическій факультетъ вовсе не разрушенъ, но снова возстановленъ совѣтомъ, что временное его паденіе зависѣло не отъ совѣта, а отъ самаго факультета.

Журналистика.

— Газета «Недѣля» и «Новое Время» получили по второму предостереженію.

— Въ Одессѣ съ мая мѣсяца будетъ выходить подъ редакціей г. Орнштейна газета «День», органъ русскихъ евреевъ, по программѣ «Разсвѣта» и «Сіона».

Некрологи.

— 17 марта, въ десятомъ часу вечера, скоропостижно скончался московскій комендантъ, генералъ-лейтенантъ Корниловъ.

— Преосвященный Іоаннъ, епископъ смоленскій, 17-го марта скоропостижно скончался.

Торговля.

Въ Пет. Вѣд. читаемъ: нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, восемнадцать здѣшнихъ первостатейныхъ русскихъ купцовъ обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ и министру финансовъ съ просьбою о расширеніи правъ евреевъ относительно выбора ими мѣста

жительства, и о разрѣшеніи русскимъ купцамъ имѣть у себя прикащиковъ изъ евреевъ.

Разныя извѣстія.

— Въ Харьковѣ получено утвержденіе проэктовъ водопроводовъ и газоваго освѣщенія.

— На съѣздъ русскихъ археологовъ въ Москвѣ собралось около 300 человекъ. Открытіе съѣзда совершено было товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, тайнымъ совѣтникомъ Деляновымъ.

Исусъ Христосъ и св. Іоаннъ Богословъ.

Статуи Торвальдсена.

Въ области искусства, помимо отдѣльныхъ родовъ и видовъ его, существуетъ и еще одно подраздѣленіе, довольно рѣдко упоминаемое, но тѣмъ не менѣе важное и совершенно самостоятельное. Мы говоримъ о произведеніяхъ «цикловыхъ», имѣющихъ свои законы и свой ритмъ, чуждыя произведеніямъ «единичнымъ». Никто не будетъ спорить относительно того непреложнаго основанія, что всякое художественное произведеніе должно быть замкнуто въ себя, должно быть отдѣльною личностью, должно быть художественною единицею. Невниманіе къ этому основному правилу, вело искони вѣковъ къ несамостоятельности художественныхъ произведеній. Такъ, было время, живописцы среднихъ вѣковъ, стараясь выразить кистью невыразимое, какой-нибудь догматъ или изрѣченіе, прибѣгали къ простому способу приписки этихъ изрѣченій въ длинныхъ лентахъ или тесьмахъ, протягивавшихся изъ ртовъ нарисованныхъ фигуръ, вдоль и поперекъ по рисунку. Самостоятельность живописи погибала; необходимость внѣшней помощи указывала на ея слабость. Ту-же ошибку сдѣлалъ въ наше время одинъ изъ корифеевъ нѣмецкой живописи Овербекъ. Его картина «Торжество религіи» (во Франкфуртѣ на Майнѣ) непонятна безъ текста писаннаго самимъ художникомъ. Неестественность этого приѣма ясна какъ Божій день. Картина и статуя должны говорить сами за себя, и, если они не дѣлаютъ этого, тому могутъ быть только двѣ причины: или самый сюжетъ не годился для работы, или художникъ не совпадалъ съ нимъ.

Сравнительная оцѣнка средствъ скульптуры и живописи, т. е. того, что можетъ и чего не можетъ каждая изъ нихъ, приводитъ всегда къ одному и тому же выводу: къ относительной слабости и беспомощности скульптуры. Много, безконечно много, изъ того что возможно живописцу, остается недоступнымъ ваятелю. Отъ того-то, волею или неволею, приходится скульптору обращаться къ припискамъ. Рѣдкая изъ группъ или статуй (исключая, конечно, вещи совершенно безличныя, какъ то: мальчикъ, дѣвочка, лошадь и т. п.) можетъ обойтись безъ подписи сюжета. Полнѣйшее отсутствіе краски и освѣщенія, физическая невозможность помѣщенія, въ одной и той же вещи, большаго числа объяснительныхъ личностей (что такъ легко для живописца!), трудность, часто невозможность, изобразить мѣсто дѣйствія (напр. внутренность зданія), все это такіе лишенія, которыя изстари ограничили сферу дѣйствія ваянія и отодвинули его на второй планъ. На сколько, взаимнѣе вѣхъ этихъ недостатковъ, выигрываетъ скульптура передъ живописью своею пластичностью, осязательностью, это дѣло спорное и, въ настоящемъ случаѣ, не будетъ занимать насъ.

Слабую сторону ваянія понимали художники давно, еще у грековъ, и этой слабой сторонѣ искали онѣ помочь чѣмъ нибудь. На помощь явились два средства: рельефъ и цикловыя изображенія. Рельефъ, по самой сущности своей, допускаетъ многое, чего не знаетъ бюстовая или статуя скульптура (да проститъ намъ читатель эти выраженія). Рельефъ допускаетъ изображеніе мѣстности (хотя и очень ограничено); онъ допускаетъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, перспективу; онъ дѣлаетъ возможнымъ введеніе большаго числа лицъ. Всѣ эти особенности оставляютъ за рельефомъ много преимуществъ; ясно, что съ разработкою рельефа сфера дѣйствія скульптуры расширена. Другимъ средствомъ помощи, о которомъ мы упомянули, явились «цикловыя» изображенія. То, чего нельзя было выразить одною фигурою или группою, старались выразить цѣлымъ рядомъ, цикломъ фигуръ. Кажущееся удобство этого приѣма увлекло какъ ваятелей, такъ и живописцевъ. Но если появленіе цикловыхъ скульптурныхъ изображеній имѣетъ свою причину и оправданіе въ самой сущности скульптуры, въ ея неспособности къ большимъ и цѣльнымъ созданіямъ, то это нисколько не оправдываетъ цикловыхъ произведеній живописи. У живописца такъ много средствъ въ вы-

борѣ сюжета, его момента, обстановки, такъ много легкости и удобства, что, говоря строго, цикловыя картины, не могутъ выдержать эстетической оцѣнки. Картина, что-бы она ни представляла, должна быть одинока; содержаніе ея не должно выплывать изъ рамки, отыскивая себѣ объясненіе въ другой, сосѣдней картинѣ. Эту особенность можно и должно предоставить одной только скульптурѣ.

Мы сказали, что рельефъ и «цикловыя» произведенія были знакомы еще грекамъ. Мы не будемъ утомлять читателя перечисленіемъ образцовъ; мы не остановимся и на произведеніяхъ среднихъ вѣковъ, а перейдемъ прямо къ нашему времени, къ Торвальдсену.

Борьба классицизма и романтизма въ искусствѣ, праздновавшая самыя яркія битвы свои въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ тридцатыхъ годахъ нашего, не унялась и теперь, и едва ли можетъ кончиться когда-нибудь. Два крупнѣйшихъ представителя этой борьбы въ исторіи новѣйшей скульптуры Шванталеръ и Торвальдсенъ сошли въ могилу еще очень недавно (Шванталеръ въ 1848, Торвальдсенъ въ 1844 году), и, образованные ими ученики, продолжаютъ завѣщанное учителями своими и до сихъ поръ. Романтизмъ Шванталера дѣйствовалъ и распространялся изъ Мюнхена, классицизмъ Торвальдсена имѣлъ центромъ своимъ Копенгагенъ. Два теченія эти столь различныя, какъ по содержанію, такъ и по географическому направленію своему, обусловили въ Германіи усиленную разработку скульптурнаго дѣла. Стоитъ назвать имена Рауха, Ритчеля, Шадова, Хенеля, Драке, Даннекера, Вольфа и др., чтобы понять значеніе этой, почти одновременной дѣятельности, столькихъ талантливыхъ личностей. Каждое изъ этихъ именъ ведетъ за собою сотни замѣчательнѣйшихъ произведеній: памятниковъ, бюстовъ, рельефовъ, статуй и группъ разбѣянныхъ по Европѣ, въ дворцахъ, галлерейхъ, на площадяхъ, и переташенныхъ даже за море, къ американцамъ. Крупнѣйшими скульпторами остаются все-таки Шванталеръ и Торвальдсенъ.

Въ 1803 году Торвальдсенъ былъ въ Римѣ. Въ то время первую и единственную звѣздой былъ Канова. Канова видѣлъ работы молодого художника и, чуждый зависти, не замедлилъ признать въ его работахъ «un stile nuovo e grandioso». Этотъ новый стиль былъ ничто иное какъ возвращеніе къ идеальному и классическому. Всю свою жизнь оставался Торвальдсенъ вѣренъ этому направленію. Глубоко сознавая ограниченность сферы дѣйствія скульптуры, о которой мы говорили выше, онъ съ особенною любовью отдался работѣ рельефовъ, и въ этомъ дѣлѣ, Торвальдсенъ не имѣлъ и едва ли будетъ имѣть соперниковъ. Биографъ его Тиле (Thorwaldsen's Leben, 1856. Leipzig. Band III), даетъ перечень его работъ. На 33 страницахъ, мелкимъ шрифтомъ, перечислены они; количество ихъ невѣроятно; половина изъ нихъ—рельефы; каждое изъ нихъ, за малыми исключеніями, можетъ выдержать любую, самую придирчивую оцѣнку. Классическое спокойствіе, чуждое сильныхъ подвижныхъ страстей, безукоризненно тонкое и правильное моделированье, вѣчно свѣжее и никогда не изыскающее разнообразіе замысла (однихъ «амуровъ» Торвальдсена—36), вотъ отличительныя черты рѣзца знаменитаго датчанина. Никто изъ современныхъ скульпторовъ не оцѣнилъ такъ глубоко и вѣрно значенія спокойствія и вреда страстности въ скульптурѣ, какъ Торвальдсенъ. Въ этомъ онъ совершенный грекъ изъ школы Фидія. Страстность, экзальтація, вредящая даже живописцу, положительно смертельны для ваятеля. Твердость, вѣскость матеріала (бронзы или мрамора), тугость работъ, враждебныя вѣмъ крайнимъ, слѣдовательно быстрымъ и скоро проходящимъ моментамъ страстей. Выбирать такой послѣдній и заключительный моментъ какого-нибудь движенія или страсти, можетъ и то рѣдко, одинъ живописецъ. Скульпторъ долженъ избѣгать его, какъ чумы. Избавятъ подобный скоропроходящій моментъ, т. е. сдѣлать вѣчнымъ то, что существуетъ своему мгновенно, значитъ внести въ свое произведеніе непримиримый разладъ, и кричащую гибельную разногласію. Важность этого художественнаго приѣма указана была впервые въ критикѣ—Лессингомъ (Laocoon), примѣнена на практикѣ и выдержана безусловно на дѣлѣ Торвальдсеномъ. Несоблюденіе этого правила загубило въ Италіи маньеристовъ 16 и 17 вѣковъ; безусловное соблюденіе его обусловило классическое значеніе Торвальдсена и безсмертіе его работы.

(Продолженіе будетъ).

Ламартинъ.

Альфонсъ-Марія-Луи де Пра де Ламартинъ родился 9 (21) октября 1790 года въ Маконѣ. Первое дѣтство свое онъ провелъ въ родовомъ помѣстьи Милы, воспитомъ имъ впоследствии нѣсколько разъ въ прекрасныхъ стихахъ; первое воспитаніе и образованіе Ламартинъ получилъ отъ матери, затѣмъ поступилъ въ белейскую іезуитскую коллегію, откуда, по окончаніи курса, снова возвратился въ Милы, гдѣ и прожилъ нѣсколько лѣтъ безъ опредѣленной цѣли и направленія. Переѣхавъ на нѣкоторое время въ Ліонъ, а потѣмъ въ Парижъ и совершивъ путешествіе по Италиі, Ламартинъ сначала хотѣлъ посвятить себя драматической поэзіи; но первые его опыты на этомъ поприщѣ, хотя и имѣли, по убѣренію современниковъ, несомнѣнныя достоинства, на сценѣ исполнены не были. Бросивъ занятія драматургіею, Ламартинъ снова уѣхалъ въ Италію, откуда вернулся въ 1814 году. Принадлежа къ фамиліи преданной бурбонамъ, Ламартинъ также питалъ привязанность къ этой династіи, а потому по возвращеніи въ Парижъ, поступилъ въ отрядъ тѣлохранителей Людовика XVIII. Въ 1820 году, подъ влияніемъ природы и сердечной привязанности къ одной особѣ, Ламартинъ явился съ первыми опытами своего поэтического творчества; изданное имъ въ свѣтъ собраніе стихотвореній «*Méditations poétiques*», отличается легкимъ оттѣнкомъ религіознаго миѳизма и не лишено растного тона; благодаря такому направленію, поэзія Ламартина составила эпоху во французской лирикѣ и имѣла громадный для того времени успѣхъ: въ четыре года разошлось 45,000 экземпляровъ «*Méditations poétiques*».

Тюльрійскій дворъ хотѣлъ привязать къ себѣ новую знаменитость и назначилъ его сначала секретаремъ французскаго посольства въ Неаполѣ, а потѣмъ въ Лондонѣ, откуда чрезъ нѣсколько времени онъ былъ перемѣщенъ на постъ дипломатическаго агента во Флоренціи. Въ Неаполѣ Ламартинъ женился на одной англичанкѣ, принесшей ему огромное состояніе, доставившее ему возможность вести очень роскошную жизнь, которая впрочемъ не успѣла заглушить въ Ламартинѣ поэтическаго дарованія. Напротивъ того, изданныя имъ въ свѣтъ въ 1823 году «*Nouvelles méditations*», а черезъ два года «*La mort de Socrate*» и «*Le dernier chant de Child Harold*» окончательно упрочили за нимъ славу поэта. Последнее изъ названныхъ произведеній по-

служило поводомъ къ дуэли съ однимъ неаполитанскимъ полковникомъ, вызвавшимъ Ламартина изъ чувства оскорбленнаго патриотизма за слѣдующіе два стиха упомянутой поэмы:

«*Je vais chercher ailleurs (pardonne ombre romaine)*
«*Des hommes et non pas de la poussière humaine*».

Въ 1825 году былъ написанъ знаменитый «*Chant du Sacre*», за который Ламартину былъ пожалованъ

ника въ Греціи, куда онъ былъ назначенъ не задолго до плана революціи, но не помѣшали ему играть все-таки нѣкоторую роль на аренѣ общественной жизни, въ качествѣ кандидата въ депутаты за Тулонъ и Дюнкирхенъ; впрочемъ искательства эти остались безъ успѣха. Въ маѣ 1832 года Ламартинъ со всѣмъ семействомъ предпринялъ путешествіе на Востокъ. Для этой цѣли онъ снарядилъ въ Марсели, на собственный счетъ, большой

корабль, на которомъ и помѣстился съ пышностью и великолѣпіемъ владѣтельной особы. Путешествіе продолжалось 16 мѣсяцевъ и стоило баснословныхъ денегъ, потому что Ламартинъ, въ каждомъ городѣ, гдѣ останавливался, покупалъ цѣлыя дворцы, заводилъ множество лошадей и проживъ короткое время, уѣзжалъ, продавая все за безцѣнокъ. На пути во Францію Ламартинъ лишился любимой своей дочери Юліи, которая умерла 16 лѣтъ отъ роду; воспоминанію о ней посвящено нѣсколько прекрасныхъ страницъ въ его «*Voyage en Orient; Souvenirs, impressions, pensées et paysages*» изданномъ въ 1835 году, въ четырехъ томахъ. Книга эта, хотя и имѣла нѣкоторый успѣхъ по легкости и занимательности разсказа, заключаетъ въ себѣ мало достоинствъ, такъ какъ состоитъ изъ очень отрывочныхъ и поверхностныхъ описаній, а также отчасти страдаетъ искаженіемъ фактовъ.

По возвращеніи въ Парижъ, онъ явился на трибунѣ палаты въ 1834 г. въ качествѣ представителя за Дюнкирхенъ; касаясь въ своихъ рѣчахъ предметовъ не относившихся къ политикѣ, Ламартинъ не производилъ никакого вліянія на слушателей, тѣмъ болѣе, что не принадлежалъ ни къ одной изъ политическихъ партій того времени. Поэтическое, нравственное и религіозное направленіе Ламартина, высказывавшееся въ его

Альфонсъ де-Ламартинъ. 17 февраля (1-го марта) 1869.

орденъ почетнаго легіона. Изданныя въ 1829 году «*Harmonies poétiques et religieuses*» открыли Ламартину дорогу во французскую академію, въ которую онъ былъ избранъ гораздо раньше, если бы его не предупредилъ его соперникъ по поэтическому таланту, Казиміръ Делавинъ, слава и успѣхъ произведеній котораго, грозили одно время затмить собою славу Ламартина. Революція 1830 года и перемѣна правительства во Франціи заставили Ламартина сложить съ себя званіе французскаго послан-

парламентскомъ краснорѣчій, явилось въ полной силѣ въ появившейся въ 1835 году поэмѣ «*Jocelyn*», сначала не имѣвшей успѣха, но возбуждавшей потомъ восторгъ и удивленіе въ современникахъ. Слѣдовавшая затѣмъ «*La chute d'un ange*» (1838), вслѣдствіе небрежности въ отдѣлкѣ и натянутости содержанія, была встрѣчена очень холодно; изданныя же въ 1839 году «*Récueils poétiques*», были лишены всякихъ поэтическихъ достоинствъ и не имѣли никакого успѣха.

Напротивъ того въ палатѣ, гдѣ онъ съ 1848 года былъ депутатомъ за Маконъ, Ламартинъ имѣлъ большой успѣхъ какъ политическій ораторъ. Восточный вопросъ, предложеніе объ уничтоженіи смертной казни дали поводъ къ нѣсколькимъ рѣчамъ, которыя хотя и не имѣли никакого вліянія на пренія, тѣмъ не менѣе были выслушаны съ большимъ интересомъ и жадно перечитывались по всей Франціи. Придерживаясь консервативныхъ убѣждений, но притомъ имѣя нѣкоторыя прогрессивныя тенденціи, Ламартинъ былъ человѣкъ не большой партіи, называвшей себя «соціальною партіею». Партія эта, оставляя въ сторонѣ всѣ чисто политическіе вопросы и стремясь соединить филантропическія цѣли съ религіознымъ православіемъ, полагала возможнымъ достигнуть общаго прогресса цивилизаціи путемъ законодательства, основаннаго на евангельскомъ ученіи. Обыкновенно Ламартинъ былъ всегда на сторонѣ министерства, но стремленіе къ самостоятельности заставило его перейти наконецъ на сторону оппозиціи; переходъ этотъ тотчасъ же отразился въ его «Исторіи Жирондистовъ» (8 томъ, 1847), проникнутой республиканскимъ духомъ. Сдѣлавшись послѣ революціи 1848 года, членомъ временнаго правительства, министромъ иностранныхъ дѣлъ и выбранный десятию департаментами народнымъ представителемъ въ учредительное національное собраніе и въ члены исполнительной коммиссіи, Ламартинъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ пользовался огромною популярностью. Мнимое или дѣйствительное единеніе съ Ледрю-Ролленомъ подало поводъ къ уменьшенію этой популярности, а во время июньскихъ безпорядковъ она замѣнилась почти ненавистью. Напрасно Ламартинъ старался оправдать себя въ своихъ апологіяхъ и «Trois mois au pouvoir» и «Histoire de la révolution de 1848», недовольство бывшимъ регентомъ было слишкомъ велико. Во время выборовъ въ законодательное собраніе, въ 1849 году, ни одинъ департаментъ не захотѣлъ принять его кандидатуры. Только дополнительный выборъ въ Орлеанѣ далъ ему мѣсто въ послѣднемъ республиканскомъ собраніи. Государственный переворотъ 2 декабря 1851 г., снова вернулъ Ламартина къ жизни честнаго человѣка и къ литературѣ. Не довольствуясь тѣмъ, что

для спасенія своего родоваго помѣстья Милли отъ продажи онъ посвятилъ публику въ тайны своей юношеской жизни («Confidences» 1849; «Nouvelles confidences», 1851), Ламартинъ изъ необходимости пріобрѣтать какъ можно болѣе денегъ,

шенно пришли въ разстройство. Послѣднія его сочиненія: «Histoire de la restauration» (8 томъ, 1851—53), «Histoire de Turquie» (6 томъ, 1854), «Histoire de Russie» (2 тома 1855) и рядъ то политическихъ, то литературныхъ произведеній: «Le Conseiller du peuple» (1849—50), «Le Civilisateur» (1851) и «Cours familier de littérature» (1856) поверхностны и совершенно не обработаны; все это писано безъ основательнаго ознакомленія съ тѣмъ, о чемъ онъ писалъ. Сочиненія Ламартина были переводимы на всѣ европейскіе языки; на французскомъ языкѣ они выдержали рядъ непрерывныхъ изданій во всевозможныхъ форматахъ. Послѣднее изданіе всѣхъ своихъ сочиненій Ламартинъ началъ въ 1860 году и довѣлъ его до конца. Онъ умеръ въ Пасси, 2 марта, на 79 году отъ роду.

Статуи св. Кирилла и Меѳодія въ Прагскомъ Тынскомъ соборѣ.

Между новѣйшими австрійскими скульпторами самое видное мѣсто занимаютъ Фернкорнъ и братья Еммануилъ и Іосифъ Максы. Дѣятельность перваго снабдила многими замѣчательными вещами Вѣну (св. Георгій, эрцгерцога Карла), работы братьевъ Максъ сосредоточиваются въ Прагѣ и другихъ чешскихъ городахъ. Памятникъ Кириллу и Меѳодію, работы Е. Макса, сдѣланъ въ Римѣ и пожертвованъ въ тынскій соборъ императоромъ Фердинандомъ I; въ 1846 г. онъ былъ готовъ и немедленно перевезенъ къ мѣсту назначенія.

Группа славянскихъ апостоловъ сдѣлана изъ бѣлаго мрамора; фигуры болѣе натуральной величины. Въ правой рукѣ св. Кирилла — водружаемый имъ крестъ, въ лѣвой библія; читатель догадывается, что книга эта писана заѣтной кириллицею. Характеристикою св. Меѳодія служитъ картина, которую онъ держитъ. Св. Меѳодій былъ живописцемъ и этою особенностью его воспользовался художникъ и для бронзовыхъ рельефовъ, украшающихъ пьедесталъ. На рельефахъ этихъ изображено обращеніе въ христіанство славянъ.

Работа памятника добросовѣстна. Мысль уяснена на сколько художникъ сумѣлъ. Въ положеніи обихъ святыхъ, въ ихъ движеніяхъ и характеристикахъ есть, однако, какая-то стереотипность, сухость. Симетрія соблюдена слишкомъ старательно и невольно бросается въ глаза. Вершина креста

Статуя св. Кирилла и Меѳодія въ Тынскомъ соборѣ, въ Прагѣ.
(Рисов. на деревѣ Брожекъ, гравир. на деревѣ Вейерлинга).

сталъ писать много, быстро и небрежно. Несмотря на баснословныя богатства помѣстій, пріобрѣтенныхъ Ламартиномъ въ Турціи, несмотря на распространеніе его сочиненій при посредствѣ акціонернаго общества, на подписки и лотереи въ его пользу, финансы бывшаго поэта совер-

приходится как раз по срединѣ; ростъ обоихъ свѣтлыхъ математически одинъ и тотъ-же; правая рука св. Меодія, поднятая къверху и лѣвая отставленная нога св. Кирилла,—это тоже уступка общей симетріи, дѣйствующей весьма непріятно. Група представляется какимъ-то нарочно составленнымъ квадратомъ. Лучшія стороны работъ—это техническая часть и драпировка. «Всемирная Иллюстрація» представляетъ рисунокъ группы не вслѣдствіе ея художественнаго достоинства, а вслѣдствіе болѣе осязательной и ясной для читателя причины.

С.

Бывшія русскія владѣнія въ Америкѣ.

Колоши.

(изъ записокъ моряка).

(Окончаніе).

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, мы рѣшили сдѣлать болѣе значительную прогулку во внутрь страны. Пройдя нѣсколько верстъ, мы увидѣли наконецъ колошское селеніе.

— Смотрите, будьте здѣсь осторожныѣ—сказалъ мнѣ мой спутникъ, и не отходите далеко отъ меня.

— А что такое? спросилъ я его.

— Да такъ; племя-то сердитое.

— Скверно, пробормоталъ я про себя и затѣмъ сказалъ громко:—а ну, какъ они вздумаютъ бить насъ?

— Будьте покойны, идите только за мною, ничего.

Признаюсь, при входѣ въ это селеніе, сердце у меня сжалось, а при видѣ огромной толпы народа, тѣснившейся на единственной въ селеніи улицѣ, оно еще сильнѣе ёкнуло.

— Какъ мы удачно попали, сказалъ мой спутникъ.

— А что?

— А у нихъ похороны и по церемоніи я вижу, что хоронятъ тоѣна.

Едва мы успѣли приблизиться къ первой бараборѣ, какъ вся толпа двинулась къ кладбищу, находящемуся тутъ же около селенія. Туда же отправились и мы.

На кладбищѣ поднялся страшный шумъ и крикъ, лица всѣхъ выражали какое-то неистовство и глаза дико сверкали. Болѣе всѣхъ бѣсновался и шумѣлъ пожилой дикарь—то былъ жрецъ; голосъ его звучалъ громче всѣхъ, на губахъ бѣлѣла пѣна, движенія его были важны, но угловаты. Покойника положили на зажженный костеръ, а жрецъ обрѣзалъ ему волосы. Поднялся ужасный смрадъ и вонь; затрещало на огнѣ усопшее тѣло и вскорѣ отъ него остались однѣ лишь кости. Кости положили въ нарочно устроенный маленькій домикъ, къ наружной стѣнѣ котораго прибили волосы покойника. Послѣ этого на дикихъ нашло какое-то чертобѣсіе; произошло что-то въ родѣ схватки, при чемъ всѣ какъ будто нападали на одного; наконецъ, этого несчастнаго схватили и повалили на-земь. Тутъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ отвратительной картины. Поваливъ человѣка на землю, лицомъ вверхъ, ему связали руки и ноги, положили на горло палку и двое, ставъ на концы ея, стали подпрыгивать, чѣмъ постепенно душили свою жертву. Мы поспѣшили уйти.

Дорогою спутникъ мой объяснилъ, что колоши всегда сжигаютъ мертвыхъ и только кости ихъ прячутъ въ такіе домики, какъ мы видѣли; по смерти же тоѣна приносятъ въ жертву любимаго его слугу, исполняя этотъ обрядъ точно въ томъ видѣ, какъ описано выше. Однако обычай этотъ начинаетъ выводиться вслѣдствіе вліянія русскихъ и въ послѣднее время случалось, что такой слуга, или, какъ его называютъ, калга, выдавался русскимъ и уже болѣе не считался въ живыхъ. Недавно даже былъ такой примѣръ, что умеръ тоѣнъ въ томъ селеніи, которое расположено у самой Ситхи, при чемъ ни одинъ изъ его слугъ не только не былъ умерщвленъ, но даже не выданъ русскимъ, и всѣ они перешли къ другому тоѣну.

Я былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа и, чтобы разсѣяться, просилъ моего спутника разсказать мнѣ про ловлю какого нибудь пушнаго звѣря. Разсказъ его, какъ участника во многихъ ловляхъ, очень интересенъ и, я считаю не лишнимъ привести его здѣсь; въ немъ идетъ рѣчь о звѣрѣ, который водится по преимуществу около описываемыхъ мною мѣстъ.

— Случилось быть мнѣ на островахъ Прибылова, разсказывалъ мѣщанинъ.

«Время приближалось къ осени, а объ эту пору тамъ бьютъ морскихъ котовъ. Звѣрь этотъ презанимательный. Съ ноября мѣсяца его нигдѣ не найдешь—пропадетъ куда-то, да такъ и не видать до весны; въ это время онъ снова является и собирается въ большія стада. Надо вамъ сказать, что его бьютъ съ разборомъ. Самку стараются не трогать, а также и самца свыше пяти лѣтъ; его зовутъ сѣкачъ; остальныхъ всѣхъ бьютъ, а эти нужны для расплода. Мы ихъ отличаемъ болѣе по цвѣту: родится онъ черный, но скоро дѣлается свѣтлосѣрымъ и съ годами все темнѣетъ. Прежде всѣхъ выходятъ на берегъ самцы—вотъ что старше пяти лѣтъ—, а за ними ужъ и остальные. Тутъ-то, сударь вы мой, бываетъ у нихъ потѣха. Каждый сѣкачъ начинаетъ набирать себѣ самокъ и при этомъ жестоко дерутся они между собою; звѣрь-то такой небольшой, да и не сердитый, а тутъ, какъ ухватятся двое за одну самку, такъ вѣдь до тѣхъ поръ они ее тормозятъ, покуда не раздерутъ пополамъ. Такъ-то, съ бою, сѣкачъ и наберетъ себѣ штукъ 200 или 300 самокъ; заберется между ними и благодумствуетъ; въ эту пору онъ мало ѣстъ и сильно тощаетъ. Это еще не все. Сѣкачъ ревнивъ, какъ чортъ, а самъ не прочь залучить къ себѣ чужую самку; да и эти каналы также бываютъ разборчивы; не по праву ей мужъ—такъ и наровитъ улизнуть и, кто ее знаетъ, какъ ужъ это она снюхается съ другимъ, только, смотришь, и дала тягу. Ну, прежнему-то мужу конечно обидно; вотъ онъ и полѣзетъ въ драку съ новымъ, а самки, видя что на нихъ стали мало вниманія обращать, давая разбѣгаться, куда какой лучше; смотришь, ревливый въ дуракахъ—у него и половины не осталось того, что было самокъ; начинаетъ онъ тутъ собирать своихъ самокъ, а значить, опять пойдетъ драка. Иного такъ пообдерутъ за лѣто, что если и убьешь его по нечаянности, то, какъ говорится, овчинка не стоитъ выдѣлки—вся-то шерсть изъ него повытаскана. Такимъ то манеромъ живутъ они цѣлое лѣто, а къ концу лѣта, поглядяши, явятся партіи промышленниковъ и тутъ плохо приходится котамъ. Партіи эти собираются болѣе изъ русскихъ и алеутовъ. Обойдутъ они кругомъ все стадо и погоняютъ отъ берега, пропуская назадъ только сѣкачей да самокъ; тутъ иногда улизнетъ и молодой котикъ, ну да это ничего, вѣдь надо же и молодыхъ приберечь—оно лучше для разводу. Затѣмъ, дадутъ остальнымъ не много отдохнуть и станутъ ихъ бить: бьютъ просто палками по головамъ.»

Мы пошли къ городу не той дорогой, по которой шли прежде и, слушая разсказъ моего спутника, я и не замѣтилъ, какъ мы очутились въ другомъ колошскомъ селеніи. Здѣсь, я залюбовался очень хорошенькой, маленькой дѣвочкой, на рукахъ молодой и некрашенной колошинки; лицо ребенка было бѣлое, большіе голубые глаза заслонялись длинными рѣсницами, на головѣ были совершенно бѣлые волосы, а туловище прикрывалось байковой юпочкой. Такое явленіе дѣтской красоты между безобразными дикарями, сильно меня заинтересовало; я подошелъ къ женщинѣ, и спросилъ: «кто твой мужъ?»

— Русскій солдатъ, отвѣчала колошинка по русски же.

— А это твой ребенокъ?

— Мой, сказала она, и погладила дѣвочку по головкѣ.

— А гдѣ же теперь твой мужъ?

— Уѣхалъ.

— И тебѣ его жалко?

— Жалко, отвѣтила она вздохнувъ и прижавъ малютку къ своей груди.

Въ глазахъ этой дикой женщины выражалось столько тепла чувства и грусти, что не возможно было ей не сочувствовать; я поневолѣ сознавалъ, что какъ бы дика ни была человѣческая природа, но въ ней всегда хранится запасъ чувствъ, присущихъ всякому человѣку и стоитъ лишь найти ключъ къ этому тайнику чувствъ, какъ онъ обнаружится въ знакомомъ всѣмъ намъ видѣ. Россія отыскивала здѣсь этотъ ключъ въ продолженіи шестидесяти слѣдующихъ лѣтъ—промежутки времени довольно ничтожны, особенно, если взять въ расчетъ то обстоятельство, что колошамъ сперва нужно было привыкнуть къ намъ, русскимъ, перестать бояться насъ; тогда только могло начаться наше вліяніе на дикихъ. Не смотря, однако, на столь непродолжительное вліяніе, плоды его въ послѣднее время стали рельефно выдаваться. Тѣ колоши, которые чаще другихъ своихъ соплеменниковъ, соприкасались съ русскими, уже успѣли отстать отъ

многихъ варварскихъ обычаевъ, начали склоняться на сторону мирной и болѣе человѣчной жизни, рѣже случались между ними нападенія одного племени на другое и, наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались даже христианами. Такимъ образомъ, дѣло было начато, и американцамъ теперь остается лишь продолжать его—нельзя не пожелать имъ полного успѣха.

Г. В.

Изъ Вильны.

(Корреспонденція «Всемирной Иллюстраціи»).

Масляница прошла довольно оживленно. Классическая гимназія Виленская устраивала домашній спектакль, на которомъ давалась между прочимъ и пьеса на латинскомъ языкѣ «Miles Gloriosus» (хвастливый воинъ) Плавта. Она шла весьма удовлетворительно. Намъ сказывали, что гимназическое начальство принимало въ этомъ дѣлѣ участіе на столько, на сколько изъясняли желанія и охоты сами воспитанники, такъ что инициативу его и самое выполненіе нужно приписать исключительно имъ однимъ. Если это вѣрно, то весьма похвально.

Въ публикѣ, а особенно въ *высшемъ кругу*, настало теперь нѣкоторое затишье. Да и неудивительно,—постъ!.. Кто кается, а кто готовится къ покаянію.

Подъ вліяніемъ религіозныхъ впечатлѣній разскажу и я подлинную исторію Виленскаго юрисконсульта, какъ потому, что вы никогда, вѣроятно, не подозревали о существованіи такого явленія въ Вильнѣ, такъ и для того, чтобы пополнить свои, на этотъ разъ слишкомъ краткія, извѣстія.

«Зовусь я Валеркомъ (разсказываетъ юривый), имени и фамиліи отца не помню и не знаю; кажется, его звали Буксомъ. Лѣтъ мнѣ отъ роду 38; вѣры римско-католической; у исповѣди и св. причастія не былъ я болѣе 15 лѣтъ.

Нѣсколько разъ я рѣшался исповѣдываться и причащаться; но такъ какъ всѣ ксендзы знали меня въ Вильнѣ за Валерку дурачка, то и къ исповѣди не допускали, говоря, что я безгрѣшенъ. Для разрѣшенія меня отъ грѣховъ, ксендзы, въ видѣ покаянія, приказывали мнѣ раздуть органные мѣхи во время службы, нерѣдко въ продолженіи двухъ недѣль. Случалось это со мною нѣсколько разъ въ году, преимущественно у настоятеля остробрамскаго костела, къ которому я чаще всего обращался въ кающемся видѣ. Молитвы я перезабылъ и хотя часто говорилъ объ этомъ ксендзамъ, но вновь они учили меня не хотѣли. Вмѣсто обученія молитвамъ, ксендзы, желая ли избавиться отъ труда, или отъ моей докучливости, или просто ради собственнаго удовольствія, заставляли меня плясать и играть на *убиакъ*. Приказаніе это я исполнялъ охотно, какъ потому, что избавлялся отъ ученія молитвамъ, такъ и потому, что за пляску мнѣ давали деньги.

«Родился я въ м. *Шкоды*, Новогрудскаго уѣзда, Минской губерніи, принадлежащемъ помѣщику Витгенштейну. Гдѣ крещенъ не знаю, думаю, что на мѣстѣ моей родины. Крестныхъ отца и матери, а также и родителей своихъ по именамъ не знаю; помню только, что родители умерли во время моего малолѣтства въ *Шкодахъ*. Есть ли у меня какіе нибудь родственики, не знаю.

«Къ какому классу людей принадлежу—тоже не знаю; полагаю, что я крестьянинъ кн. Витгенштейна, ибо при отъѣздѣ моемъ въ Вильну, я имѣлъ билетъ на проѣздъ въ Верки отъ тамошняго управленія. Изъ Верокъ, когда меня заставили очищать крыжовникъ, я бѣжалъ лѣтъ 15 тому назадъ и съ тѣхъ поръ постоянно живу въ Вильнѣ. Здѣсь я занимался сначала поденными работами и носилъ воду разнымъ лицамъ, не имѣя постоянного помѣщенія. Лѣтомъ ночевалъ, то въ паркѣ подъ кустами, то въ развалинахъ старыхъ домовъ, а чаще всего у дверей костела св. Анны; зимой—въ баняхъ и еврейскихъ кабакахъ.

«Затѣмъ однажды, какъ теперь помню, лѣтъ 10 тому назадъ, будучи пьянъ, шелъ я около монастыря Визитокъ, пѣсалъ и веселился; въ воротахъ же его стоялъ какой-то знатный господинъ. Замѣтивъ меня, онъ подзвалъ къ себѣ много барышень и приказалъ мнѣ плясать; я же въ угожденіе ему трудился до совершеннаго изнеможенія, за что и получилъ 2 р. Да! этого я никогда не забуду! Подарокъ этотъ мнѣ очень понравился и съ тѣхъ поръ я чаще и чаще сталъ приходить къ воротамъ Визитокъ. Когда случалось мнѣ не заставать господъ дома, то я заходилъ во дворъ и, чтобы меня не выгоняли, начиналъ плясать и играть. Заслыша это, богатые паны собирались вокругъ меня съ сво-

ими семействами, смѣялись и потѣшались до безконечности. Бывало набрасываютъ мнѣ денегъ, бѣлаго хлѣба, фруктовъ и даже цвѣтовъ. Когда же пляска моя приобрѣла извѣстность, то Визитки стали приглашать меня и въ свой коридоръ, гдѣ съ удовольствіемъ и наслаждались моимъ искусствомъ.

«Открывши въ себѣ такія способности, я чрезвычайно обрадовался и пошелъ плясать по всѣмъ дворамъ знатныхъ пановъ и богатыхъ вельможъ. Особенно часто приглашали меня и любили Гр—ы О. и М. Т., гр—ы Ч., покойный гр. П. (дай Богъ ему царство небесное!), Р. В. Г., а также еще и Виленскій бискупъ, у котораго я удостоивался плясать не только на дворѣ, но даже и въ залахъ, среди люстръ и великолѣпій. Помнится также, что я процвѣталъ и въ клубѣ, во время дворянскихъ собраний, когда собиралось сюда много богатыхъ пановъ, также заставлявшихъ меня играть и плясать. Сороковки (20 к.) сыпались тогда на меня со всѣхъ сторонъ и еслибы я, какъ человекъ слабый, не уставалъ, то они, кажется, не отказались бы проводить со мной и цѣлыя ночи.

«Итакъ я не занимаюсь болѣе ничѣмъ инымъ, какъ только пляскою и до настоящей поры весело проживаю въ Вильнѣ, нисколько не заботясь о неизвѣстномъ будущемъ».

Говорятъ, что по проекту для новаго устройства поземельныхъ дѣлъ въ С. З. краѣ состоялось рѣшеніе, которое не помѣшаетъ идти здѣсь крестьянскому дѣлу на старыхъ его основаніяхъ:—уже получено приказаніе, продолжать всѣ приостановленныя операціи въ прежнемъ духѣ. ?.....

Защита береговъ минами.

Защита береговъ минами — одинъ изъ насущнѣйшихъ вопросовъ современнаго военнаго дѣла. Да позволить намъ читатель сдѣлать короткій историческій очеркъ этого вопроса и сообщить ему усовершенствованіе, предложенное генераломъ Шазалемъ.

Въ числѣ множества средствъ, придуманныхъ людьми для взаимнаго истребленія, подводныя мины или торпеды занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Девятнадцатому вѣку принадлежить, если можно такъ выразиться, честь изобрѣтенія этого страшнаго орудія войны, производящаго самыя ужасныя и разрушительныя дѣйствія. При настоящемъ состояніи науки, минами можно управлять совершенно точно и будучи, въ рукахъ военнаго или морскаго инженера, онѣ доставятъ защиту, противъ которой атака броненосныхъ судовъ съ нарѣзными орудіями самыхъ громадныхъ калибровъ останется безуспѣшна. Гдѣ и въ какое именно время были употреблены первыя торпеды, сказать положительно невозможно. Первый, извѣстный на основаніи письменныхъ документовъ, опытъ надъ ними былъ произведенъ въ 1805 году. Нѣкто Робертъ Фентонъ взорвалъ на воздухъ съ замка Walteg посредствомъ торпеды бригъ въ 200 тоннъ. Торпеды было подведено подъ судно подводною лодкою; воспламененіе же было произведено посредствомъ часоваго механизма, который спускалъ въ извѣстный моментъ курокъ кремневаго замка, дѣйствовавшего на мякоть. Опыты эти были повторены Фентономъ въ разныхъ видахъ въ Нью-Йоркѣ и другихъ мѣстахъ Соединенныхъ штатовъ. Впослѣдствіи было составлено имъ сочиненіе о торпедѣ, возбуждавшее большой интересъ, но такъ какъ ни одно изъ правительствъ не поддержало Фентона, то вопросъ этотъ замолкъ на нѣкоторое время. Во время великой войны во Франціи хотѣли вернуть на воздухъ посредствомъ мины англійскій корабль, но предпріятіе это не удалось, потому что судно въ моментъ опасности тронулось съ мѣста.

Во время компаніи 1854 года, мины были употреблены нашими инженерами противъ англо-французскаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Снаряды эти были изобрѣтены петербургскимъ академикомъ Якоби и состояли изъ сосудовъ, въ видѣ опрокинутаго усѣченнаго конуса, наполненныхъ порохомъ. Мины эти взрывались отъ удара. Судно, наткнувшись на мину, разбивало трубку, наполненную воспламеняющимся составомъ. Мины Якоби были одинаково опасны какъ для своихъ, такъ и для непріятельскихъ судовъ и не нанесли почти никакого вреда непріятельскому флоту, за исключеніемъ развѣ англійскаго парохода «Бульдогъ», который былъ поврежденъ миною во время рекогносцировки. Худшая судьба постигла русскій пароходъ «Медвѣдь»; онъ потонулъ мгновенно на свеабургскомъ рейдѣ, наткнувшись на оторванную мину и случай этотъ не былъ, къ сожалѣнію, единственнымъ, такъ

какъ многія изъ нашихъ мелкихъ судовъ были ими потоплены или повреждены. Непріятельскія же суда не подходили близко къ Кронштадту и потому не могли терять отъ мины*). Употребленіе минъ подобнаго устройства и не могло дать хорошихъ результатовъ. Воспламененіе ихъ зависѣло отъ многихъ случайностей, предотвратить которыя было невозможно безъ примѣненія гальванизма. Ржавчина и вышняя порча, происходившія отъ болѣе или мѣнѣе продолжительнаго нахожденія въ водѣ, дѣлали средство это крайне невѣрнымъ. Заряды употреблялись болѣею частью небольшіе, вслѣдствіе чего вредъ наносимый ими былъ самый ничтожный; они только срывали мѣдную обшивку и разбивали часть каютъ-компанейской посуды. Наконецъ мины эти, означенныя буйками, были легко находимы, при чемъ онѣ часто вытаскивались изъ воды людьми, отправлявшимися искать ихъ на шлюпкахъ. Въ компанію 1859 года были сдѣланы первыя значительныя успѣхи въ примѣненіи подводныхъ минъ къ оборонѣ Венеціи. Ожидая нападенія Французовъ, Австрійцы составили полный, и хорошо обработанный планъ защиты города посредствомъ торпедъ и расположили цѣлую систему ихъ въ главныхъ каналахъ. Планъ этотъ былъ составленъ по мысли барона Эбнера и имъ же приведенъ почти окончательно въ исполненіе. Мины должны были взрываться посредствомъ гальванизма, но, къ сожалѣнію, состояніе науки не позволяло тогда удостовѣриться въ исправномъ состояніи проволокъ и минъ, погруженныхъ въ воду. Переміе остановило окончательное приведеніе въ исполненіе этого плана и положенныя мины были вынуты. Въ послѣднюю Американскую войну подводныя мины блистательнымъ образомъ оправдали ожиданія военныхъ людей. Они были употребляемы конфедератами съ большимъ успѣхомъ, что доказывается между прочимъ отчетомъ морскаго министра сѣверныхъ штатовъ, представленнымъ конгрессу въ декабрѣ 1865 г. Вотъ подлинныя слова этого рапорта:

«Единственные потери судовъ, понесенныя Сѣверо-Американскими Штатами при атакахъ Мабилы и Вильмингтона, при которыхъ береговыя батареи конфедератовъ дѣйствовали съ большимъ мужествомъ, произошли отъ взрывовъ гальваническихъ минъ, одинаково ужасныхъ какъ въ портахъ, такъ и въ рѣкахъ; онѣ оказали болѣе разрушительныя дѣйствія нежели всѣ другія средства вмѣстѣ».

Однимъ изъ самыхъ рельефныхъ примѣровъ губительныхъ послѣдствій употребленія минъ, былъ взрывъ сѣверо-американскаго корабля, пытавшагося прорваться къ Ричмонду по рѣкѣ Джеймсъ. По берегу рѣки были расположены батареи и передъ ними загражденія изъ затопленныхъ судовъ и наполненныхъ камнями срубовъ. Ниже въ рѣкѣ была расположена цѣлая система минъ, которыя ставились и снимались чрезвычайно быстро, по мѣрѣ измѣненія позицій войскъ. Онѣ обыкновенно передвигались вмѣстѣ съ пикетами. Весь фарватеръ былъ покрытъ ими и въ первомъ узкомъ проходѣ посреди его была расположена мина, воспламеняющаяся помощью гальванизма. Она, какъ и всѣ другія, могла быть воспламенена въ желаемый моментъ по волѣ лица, управлявшаго приводомъ. Офицеръ, управлявшій проводниками, находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега подъ прикрытіемъ и такъ близко, что могъ слышать голоса на проходящемъ суднѣ. Шедшее впереди судно было вооружено 5-тью орудіями и имѣло 120 человекъ экипажа. Судно это хотѣли пропустить, а берега мину для большаго адмиральскаго корабля.

Вдругъ офицеръ управлявшій цѣпью услышалъ команду: «дать задній ходъ и спустить шлюпку, чтобы вытаскать мину». Онъ тотчасъ же рѣшился потопить судно и сомкнулъ цѣпь. Послѣдовалъ страшный взрывъ. Котлы, машина и труба поднялись отъ 20 до 30-ти футъ, и въ тотъ-же моментъ разорвало котлы и корпусъ разбило въ куски. Этотъ и другіе подобные случаи подтверждаютъ мнѣніе о той громадной пользѣ, которую можетъ извлечь обороняющійся изъ употребленія подводныхъ минъ. Знаменитый гидрографъ капитанъ Мори, первый практически успѣшно примѣнилъ это страшное средство обороны къ защитѣ портовъ и каналовъ въ послѣднюю Американскую войну.

Прилагаемые два рисунка изображаютъ въ высшей степени остроумное примѣненіе камеръ-обскуры къ оборонѣ береговъ посредствомъ гальваническихъ минъ. Усовершенствованіемъ этимъ военное искус-

ство обязано барону Эбнеру и бывшему Бельгійскому военному министру, генералу Шозалу. Послѣдній примѣнилъ его къ оборонѣ Шельды. — Прилагаемый рисунокъ представляетъ внутренность камеръ-обскуры. Прямо подъ отражательнымъ приборомъ поставленъ большой столъ, съ лежащею на немъ картою Шельды. Карта эта разграфлена, пронумерована и вообще на ней сдѣланы дѣленія, обозначенныя разными буквами и цифрами. Суда, проходящія по фарватеру, отражаются въ камеръ-обскуру и изображеніе ихъ является на той точкѣ карты, которая соотвѣтствуетъ точкѣ фарватера, на которой въ данный моментъ находится судно. Лишь только оно дошло до занумерованной точки, указывающей мѣсто мины, офицеръ, наблюдающій за изображеніемъ движенія судна, называетъ номеръ, а другой въ ту же секунду сообщаетъ огонь заряду.

Второй рисунокъ изображаетъ одинъ изъ бастіоновъ, расположенныхъ на берегу Шельды. Находящаяся около вала палатка есть камеръ-обскура, внутренность которой изображена на первомъ рисункѣ. На валу стоятъ офицеры и солдаты, играющіе роль живаго телеграфа. — Генералъ Шозаль придумалъ цѣлую систему знаковъ, посредствомъ которыхъ можно переговариваться съ начальникомъ укрѣпленій, лежащихъ по берегамъ рѣки. Руки солдата замѣняютъ при этомъ деревянныя колѣна прежнихъ телеграфовъ.

Остроумное примѣненіе камеръ-обскуры въ данномъ случаѣ можетъ принести громадную пользу оборонѣ, а удачныя опыты, произведенные генераломъ Шозалемъ на Шельдѣ, вполне подтверждаютъ это. Прошедшее убѣдило насъ, что подводныя мины прежнихъ системъ, т. е. воспламеняющіяся посредствомъ удара въ нихъ судна, не удовлетворяютъ своему назначенію; примѣненіе же гальванизма, а также и камеръ-обскуры произвело въ этомъ дѣлѣ коренной переворотъ и въ настоящее время дѣйствіе подводными минами такъ легко и удобно, какъ и управленіе телеграфнымъ аппаратомъ.

Т*.

Наши частные музеи и кабинеты.

III.

КРЕСЛО XVI ВѢКА.

(СОВРАНИЕ КНЯЗЯ О. П. ПАСКЕВИЧА).

Кресло, рисунокъ котораго представляемъ мы читателямъ, желѣзное, кованое, съ мѣдными вставками, украшенными прорѣзнымъ узоромъ. На стѣнкѣ кресла читается, подъ гербомъ, прорѣзной шрифтъ короля Генриха II и Катерины Медичи. Кресло это перешло къ настоящему владѣльцу изъ собранія Монферана.

Замыселъ и отдѣлка кресла, сами по себѣ, не представляютъ ничего любопытнаго; любопытно, съ точки зрѣнія искусства, положительное указаніе времени. Генрихъ II, царствовалъ въ срединѣ XVI вѣка. Если кресло это, украшенное его шифромъ, было сдѣлано для него, ясно, что рисунокъ, по которому кресло сдѣлано, было моднымъ въ то время. Спинка и бока стоячіе надъ сидѣніемъ отвѣсно, преобладаніе прямой линіи и, наконецъ, изящная и спокойная прорѣзь украшеній, неоспоримо несутъ на себѣ характеръ возрожденія. Не прошло и 100 лѣтъ послѣ Генриха II какъ по всей Франціи и Германіи деспотически воцарился рококо. Прямая линія была изгнана безусловно; планъ и профиль ломались и гнулись безпощадно и по всевозможнымъ плоскостямъ; спокойствіе рисунка уступило мѣсто какому-то хохоту, истерикъ архитектурнаго замысла и въ теченіе 2 вѣковъ владычествовалъ рококо безусловно. Подошло время французской революціи. Подъ удары гильотины, подъ шумъ грозныхъ манифестацій,—рококо исчезаетъ вдругъ и совершенно. Прямая линія входитъ опять въ свои права, и кресло, рисунокъ котораго мы представляемъ, не будь на немъ шифра, можно бы было считать современникомъ революціи.

С.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ *).

IV.

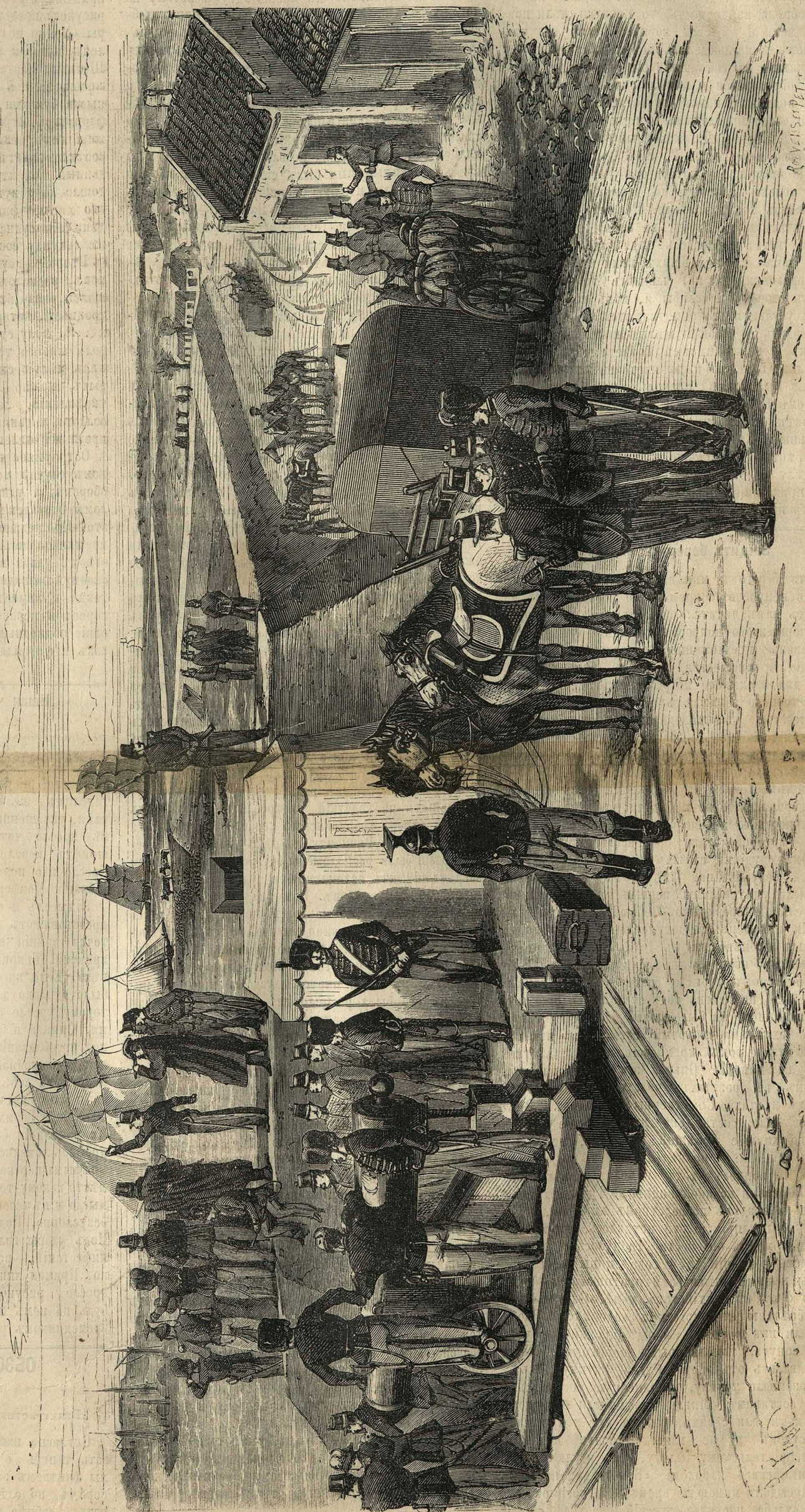
БЕЛЕТРИСТИКА РУССКАГО ВѢСТНИКА (I, II кн.).

Согласно нашему плану, намъ слѣдовало-бы сказать теперь о серьезныхъ статьяхъ «Зари», но мы считаемъ за лучшее повременить такимъ разборомъ, по слѣдующимъ причинамъ: первое, гораздо удобнѣе и для насъ и для читателей, когда будутъ разобраны совокупно серьезныя статьи раз-

*) Не одни Европейцы употребляли это средство для защиты береговъ. Китайцы употребляли противъ насъ въ послѣднюю войну какія-то адскія машины, неимѣвшія впрочемъ ни малѣйшаго успѣха.

*) См. №№ 7 и 11 «Вс. Илл.»

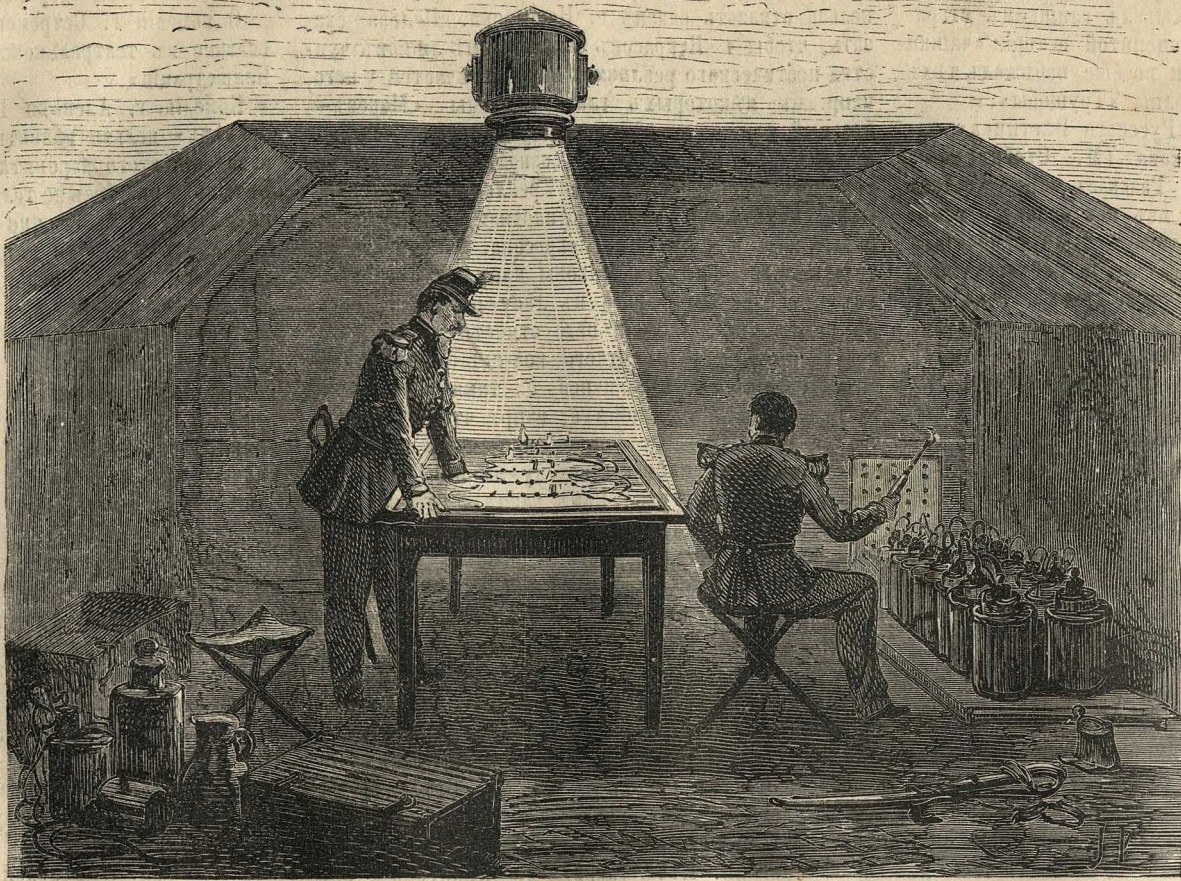

Оплата заплата рѣки Шелда верховьями мина по способу Шаала.

Р. В. С. П. Т. 11

личныхъ журналовъ; во вторыхъ, о серьезной статьѣ всегда удобнѣе говорить, когда она кончена или когда, по крайней мѣрѣ, достаточно уяснится ученая метода автора (если таковая имѣется) и его отношенія къ избранному предмету. Теперь только замѣтимъ, что есть въ нашихъ журналахъ нѣсколько замѣчательныхъ серьезныхъ статей, о которыхъ стоитъ поговорить, на прим. *Россія и Европа* Н. Я. Данилевскаго (*Заря*) *Послѣдніе годы рѣчи посполитой*, Н. И. Костомарова (*Вѣстн. Евр.*) *, *Несчастные* С. В. Максимова (*Отеч. Зап.*) и *Польская молодежь западнаго края въ мятежъ 1861—1865* С. А. Райковскаго (*Русск. Вѣстн.*).

Примѣненіе камеръ-обскуры къ защитѣ портовъ и пограничныхъ рѣкъ.

И такъ, обратимся къ белетристичѣ. Въ 1-й книжкѣ Русскаго Вѣстника напечатана повѣсть И. С. Тургенева «Несчастная». Читателямъ не безвѣстно, какъ свирѣпо-ругательно относились еще недавно нѣкоторые журналы къ г. Тургеневу; теперь это напряженное озлобленіе нѣсколько оняло. Участь эту съ г. Тургеневымъ раздѣляли и нѣкоторые другіе писатели. Вотъ напр. какой отзывъ встрѣтили мы въ одномъ изъ журналовъ; приводимъ его ради курьеза. «По Тургеневу», — злобствуетъ критикъ, — «новый человѣкъ» опрятенъ, какъ цыганъ, вѣжливъ, какъ зуавъ и обжорливъ, какъ акула. По Писемскому — онъ шулеръ и чуть не разбойникъ. По Достоевскому — припомните только Раскольниковъ». Не правда-ли, что подобные отзывы напоминаютъ доброе старое время, когда «Благонамѣренный» напр. распинался за нравственность по случаю стиха Пушкина, гдѣ сказано, что друзья и враги одно и тоже. Не напоминаютъ-ли они также того капитанъ-исправника, который, какъ рассказываетъ Гоголь въ «Шинели», жаловался на личное оскорбленіе по поводу романа, гдѣ *нѣкоторый* капитанъ-исправникъ изображенъ въ пьяномъ видѣ? Это повторенье въ литературѣ пошлаго старья, конечно, нельзя назвать особенно утѣшительнымъ явленіемъ.

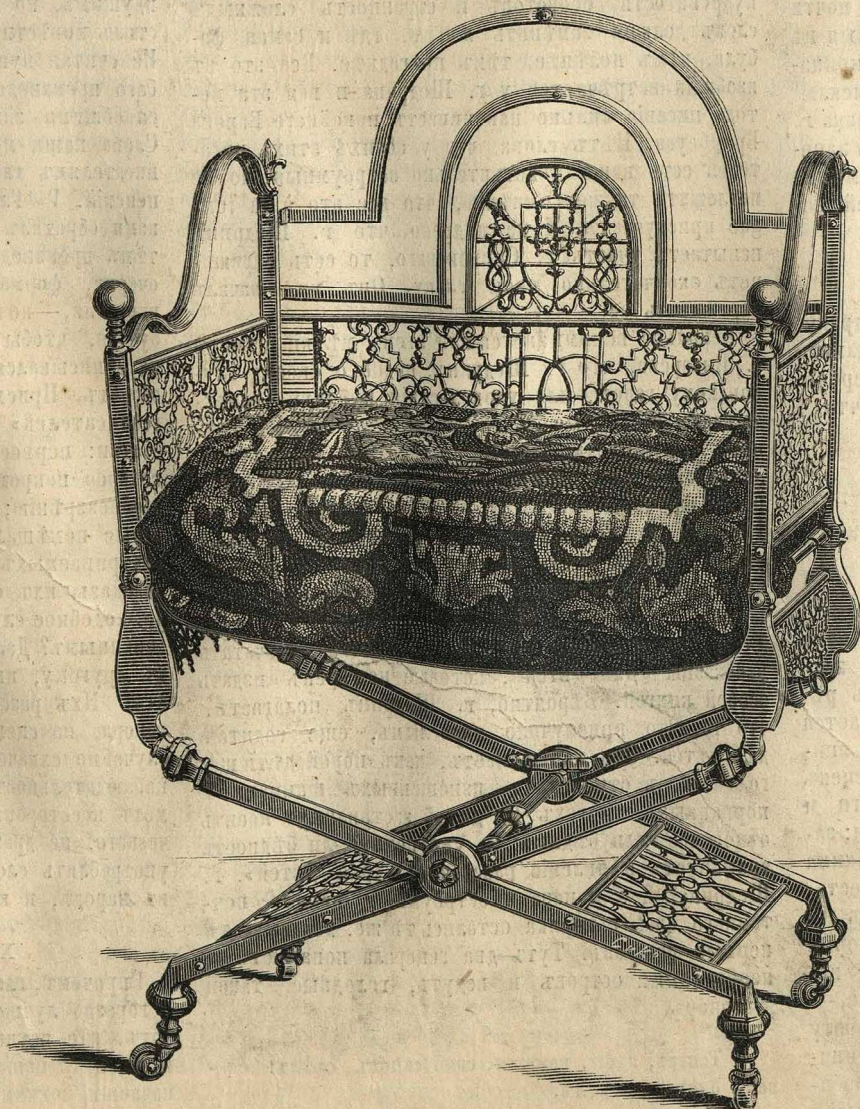
Мы сказали, что такой тонъ послабѣлъ за послѣднее время, но повременамъ онъ еще слышится, хотя дешовая критика и старается переимѣнить шкурку, думая, что такимъ образомъ обновятся и руководящія ею мысли. Такъ, другой журналъ, говоря о тѣхъ-же писателяхъ, сознается, что ихъ описанія современной дѣйствительности вѣрны и даже художественны, но прибавляетъ, что не понимаютъ молъ они ни важности современныхъ реформъ, ни руководящей мысли этихъ реформъ. Вотъ это, что называется, прямо въ центрѣ попалъ! Про кого это сказано? не про людей ли сороковыхъ годовъ, которыхъ сказанныя реформы были завѣтною мечтою юности, которые вынесли ихъ такъ сказать на своихъ плечахъ?

Какже литературные представители этого поколѣнія могутъ не понимать того, чѣмъ жило ихъ поколѣніе? Вотъ до какихъ абсурдовъ доходитъ критика, неспособная къ изученію, а питающаяся нѣкоторымъ подобіемъ идей, столь-же похожихъ на мысли, какъ Вагнеровъ гомункулъ на человѣка. И все это печатается въ тѣхъ органахъ родного слова, которые приворяются самыми прогрессивными и укоряютъ другихъ въ отсталости, глузости и даже доносничествѣ! Невольно вспоминается все это, когда увидишь на оберткѣ книжки заглавіе новой повѣсти одного изъ поносимыхъ писателей!

слию, что «даже *этотъ* человѣкъ тотчасъ, по первому слова сплетника, съ презрѣніемъ отвернулся отъ нея» — отъ всего этого разсказа вѣетъ мягкой и нѣжной поэзіей, столь присущей таланту Тургенева. На всякаго, сколько нибудь понимающаго поэзію, человѣка, разсказъ «Несчастная» не можетъ не произвести симпатическаго, грустнаго и въ тоже время весьма милостиваго впечатлѣнія. Особенно хороша глава XVII «Моя исторія», гдѣ разсказъ веденъ отъ лица Сусанны. Тонъ этой главы поражаетъ своей задушевностью и вѣрностью. Лица, особенно Ратча, самой Сусанны и двухъ братьевъ Колтовскихъ очерчены мастерски.

Во второй книжкѣ разбираемаго журнала начался романъ г. В. Крестовскаго «Панургово стадо». Г. Крестовскій отличается умѣньемъ выбирать сюжеты своихъ романовъ. Въ «Петербургскихъ Трущобахъ», онъ коснулся быта низменныхъ слоевъ населенія нашей столицы и въ этомъ отношеніи въ романѣ сказано много новаго, занимательнаго и даже поучительнаго. Въ новомъ романѣ дѣйствіе происходитъ вскорѣ послѣ 19 февраля 1861 г.; тутъ вы найдете описаніе такъ называемыхъ крестьянскихъ бунтовъ, крутыхъ мѣръ начальства, повальнаго недоразумѣнія, жандармскаго полковника, дѣйствующаго по внушеніямъ ксендза; увидите объѣдъ, который даетъ губернское общество нѣкому «барону», якобы спасшему губернію отъ небывалаго коммунистическаго движенія; протестъ противъ этаго объѣда, выражающійся въ панихидѣ по убитымъ крестьянамъ, панихидѣ затѣянной единственно ради скандала и т. д. Изъ этого перечня читатель видитъ, какую внѣшнюю занимательность представляетъ романъ. Много въ напечатанныхъ IX главахъ романа не ново, напр. описаніе губернскаго общества (напоминающее очерки Щедрина), но обстоятельства, при которыхъ приходится дѣйствовать этому обществу, не были тронуты литературой, а оттого и самое описаніе получаетъ колоритъ новизны.

Нѣтъ сомнѣнія, что новый романъ г. В. Крестовскаго будетъ

Кресло XVI вѣка изъ собранія князя Паскевича. (Рисовалъ Колуми, гравировалъ Л. А. Спринковъ).

* О ней мы уже упоминали.

читаться не меньше его «Трущобъ» и мы пожелаемъ, чтобы въ «Панурговомъ стадѣ» интрига была проще, чтобы авторъ не описывалъ слишкомъ старательно исторій въ родѣ знаменитой исторіи «чашки кофе», выпитой Бероевой, и вообще избѣжалъ тѣхъ недостатковъ, которыми полны «Трущобы».

Во второй же книжкѣ «Русскаго Вѣстника» находимъ разсказъ г. Лѣскова (М. Стебницкаго) «Плодомасовскіе карлики». Разсказъ этотъ составляетъ, кажется, отрывокъ изъ неоконченнаго романа «Божедомы», начало котораго было напечатано въ «Отечественныхъ запискахъ» и «Литературной Библиотекѣ». Отрывокъ этотъ не дуренъ, какъ все, гдѣ г. Стебницкій не проводитъ «идей». Не представляя ничего особенно-оригинальнаго, ни по мысли, ни по способу изложенія (напоминающему то того, то другаго писателя), онъ читается легко и написанъ не безъ таланта. Вообще, г. Стебницкому, кажется, можно-бы посоветовать оставить большіе тенденціозные романы, а приняться за писаніе маленькихъ очерковъ, гдѣ его некрупный талантъ будетъ въ своей сферѣ, и гдѣ ему не будетъ нужды проводить свои «идеи».

Изъ другихъ легкихъ статей «Русскаго Вѣстника» укажемъ на бойко-написанную статейку г. Кельсѣва «Эмигрантъ Абихтъ», на «Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи» г. Т. и на двѣ замѣтки г. В. Е. «Изъ Рима въ Неаполь» и «Поѣздка въ Неаполь». Вообще, о «Русскомъ Вѣстникѣ» нужно замѣтить, что онъ продолжаетъ быть сборникомъ болѣе или менѣе занимательныхъ статей и если и имѣетъ характеръ журнала, то развѣ политическаго, а не литературнаго; последнее — почти по совершенному отсутствію критики. Критическія статьи, порой появляющіяся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», — имѣютъ характеръ случайный и не могутъ быть приняты за выраженіе опредѣленнаго взгляда на литературу. Политическія-же статьи ежемѣсячнаго изданія г. Каткова служатъ какъ-бы развитіемъ взглядовъ «Московскихъ Вѣдомостей» и въ нихъ замѣтно внутреннее единство.

У.

Белетристика «Отечественныхъ Записокъ»

(I, II, III кн.).

Белетристика «Отечественныхъ Записокъ» весьма разнообразна, что впрочемъ еще не значитъ, чтобы она была великолѣпна. Имена писателей болѣе или менѣе извѣстны, но это еще неручательство, что произведенія ихъ удачны. Мы скажемъ прямо, что почти всѣ белетристическія произведенія, помѣщенные въ трехъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ», принадлежатъ къ числу неудавшихся. Исключеніе, и исключеніе блестящее, составляетъ стихотворная сказка г. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» Покуда напечатаны три главы съ прологомъ. Заполъ споръ между мужиками «уѣзда Терпигорева, Пустопорожней волости» о томъ

Кому живется весело,
Вольготнѣе на Руси?

Мышьякъ раздѣлился, дѣло дошло даже до драки. Мужики рѣшили исходить всю Русь и подлинно доискаться кому хорошо жить на свѣтѣ. Перваго они встрѣчаютъ попа. Лука, утверждавшій, что

Попова каша съ масломъ.
Поповъ пирогъ—съ начинкою,
Поповы щи—съ свѣткомъ!
Жена попова толстая,
Попова дочка бѣлая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Какъ колоколъ гудитъ!

попался въ просакъ. На дѣлѣ оказалось, что попу житье куда невеселое. Эта сцена лучшая во всей сказкѣ; въ ней высказано много правды; въ рѣчахъ священника много юмора. Этимъ оканчивается первая пѣсня; вторая и третья составляютъ эпизодъ; въ нихъ описана сельская ярмарка; изъ сценъ лучше другихъ та, гдѣ Вавила пропилъ деньги и не на что ему купить внучкѣ козловые башмаки; заканчивается третья глава или пѣсня рѣчью Якова Нагого къ проѣзжающему барину, упрѣкающему крестьянъ за пьянство. Рѣчь эта написана тепло, съ добрымъ намѣреніемъ и порой даже сильно. Нѣкоторые критики упрѣкали г. Некрасова за эту рѣчь, находя ее неестественной въ устахъ крестьянина, — но тотъ-же упрѣкъ, пожалуй, можно сдѣлать поэту и за многія мѣста бесѣды крестьянъ со священникомъ. Въ такого рода произведеніяхъ, какъ разбираемая сказка, нельзя искать слишкомъ реальныхъ описаній и рѣчей. Благо, если сатира умна, сочув-

ствія ея правильны, если въ ней хотя по мѣстамъ слышится живой юморъ. А въ этихъ достоинствахъ нельзя отказать сказкѣ г. Некрасова. Нельзя сказать, чтобы г. Некрасовъ былъ вполне лишенъ чувства поэтическаго реализма; оно встрѣчается у него, напр. въ нѣкоторыхъ главахъ поэмы «Морозъ—красный носъ» и въ первой половинѣ «Рыцари на часъ», — но нельзя не сознаться, что въ новомъ его произведеніи мало реальныхъ описаній. Дѣйствительность самая обиходная пріобрѣтаетъ порою подъ перомъ г. Некрасова фантастическія чудовищныя очертанія, таковы напр. въ разбираемомъ произведеніи драка въ лѣсу и пьяная ночь. Къ недостаткамъ сказки надо отнести также нѣкоторую растянutosть, отчего кое-гдѣ рѣчь становится невыносимо-прозаичной, а также пожеланія чисто-водевильнаго свойства, напр. чтобы мужики читали Бѣлинскаго и Гоголя, при чемъ представляется невольнo вопросъ: почему именно этихъ писателей, а не другихъ? Намъ кажется также, что размѣръ сказки (трехстопный ямбъ, съ частымъ прибавленіемъ къ послѣдней стопѣ дактилическаго окончанія) весьма однообразенъ. Объ идеѣ сказки покуда сказать что-либо положительное—не возможно.

Г. Щедринъ напечаталъ нѣсколько очерковъ. Остановимся на «Исторіи одного города». Исторія эта написана съ великой претензіей на остроуміе и мѣткую сатиру, но претензія такъ претензіей и остается. Стоитъ пробѣжать только «Описъ градоначальникамъ», чтобы увидѣть, какъ это все сочинено, какъ авторъ нарочно придумывалъ смѣшныя характеристики. Нѣтъ слова, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно смѣшны, но читая ихъ смѣшныя *пустымъ* смѣхомъ. Идея написать пародическую исторію одного города, хотя и не нова, но довольно счастлива. Но счастливая идея, случайно пришедшая въ голову, еще не обуславливаетъ собою, что и произведеніе, подъ ея вліяніемъ написанное, будетъ осмысленно. Такая идея есть собственно намѣреніе написать нѣчто; должна быть еще внутренняя мысль, или замыселъ, обуславливающий не внѣшнюю только форму произведенія, но и ея содержаніе.

Вотъ такого-то замысла, или внутренней идеи, въ большинствѣ произведеній г. Щедрина нѣтъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ авторъ будетъ принужденъ чѣмъ нибудь замѣнить бѣдность внутренняго содержанія, какими-нибудь нелѣпницами (по его мнѣнію весьма остроумными), напр. фаршированными генеральскими головами; слогомъ, гдѣ кудреватость оборотовъ и странность сложныхъ словъ должна замѣнить юморъ, гдѣ и самая фабула, чѣмъ нелѣпѣе, тѣмъ пригоднѣе. Все это въ изобиліи встрѣчается у г. Щедрина и вся эта метода писанія сильно напоминаетъ покойнаго Барона Брамбеуса. Нѣтъ слова, что у обоихъ этихъ писателей есть вещи дѣйствительно остроумныя, но не подлежатъ также сомнѣнію, что все это *à la longue* прискучаетъ. И не мудрено, что г. Щедринъ испытываетъ участь г. Сенковского, то есть переживаетъ окончательно свою славу. Онъ уже началъ переживать ее.

Невольно вспоминается при этомъ мѣткій отзывъ г. Писарева, что г. Щедринъ, подобно своему глумовскому герою, для удовольствія публики, придумываетъ различные *фики и тресфандосы*. Въ Глумовѣ эти словечки всегда производили смѣхъ; въ литературѣ они набиваютъ оскомину, и если смѣшать еще *тресфандосифиловъ*, то критика это хихиканье не можетъ уже принимать за здоровый смѣхъ. Смѣхъ этотъ простой зубоскалъ, а не тотъ «честный человѣкъ», о которомъ толковалъ намъ Гоголь.

Со второй книжки, г. Щедринъ сталъ печатать разсказы «Для дѣтей», которые намѣренъ издать особой книгой. Вѣроятно, г. Щедринъ полагаетъ, что то, что прискучило взрослымъ, еще годится для дѣтей. Это напоминаетъ, какъ порой дѣти щеголяютъ въ отцовскихъ изношенныхъ шапкахъ и порванныхъ сапогахъ. Но дѣтей заставляютъ носить отцовское люди бѣдные; не умственную-ли бѣдность знаменуетъ появленіе разсказовъ «для дѣтей» г. Щедрина? Что манера и остроуміе у нашего почтеннаго quasi-сатирика остались тѣ же, доказываетъ первый разсказъ. Тутъ два генерала попадаютъ на необитаемый островъ и ведутъ, голодные, такой разговоръ.

— Теперь, я бы, кажется, свой сапогъ съѣлъ! сказалъ одинъ генералъ.

— Хороши тоже перчатки бываютъ, когда долго пошны! вздохнулъ другой генералъ.

Оказывается, что и для дѣтей *фики и тресфандосы* считаются здоровой умственной пищей.

О комедіи г. Островскаго «Горячее Сердце» уже сказано въ театральному обзорѣ № 7 Всемирной Иллюстраціи.

Комедію г. Алексѣя Потѣхина «Рыцари нашего времени» нельзя назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній этого даровитаго драматурга. Г. Алексѣй Потѣхинъ писатель не только умный, но онъ умѣетъ подмѣтить что именно въ данную минуту занимаетъ общество и написать на эту тему комедію. Вотъ первый залогъ успѣха его комедій; второй, гораздо важнѣйшій, состоитъ въ томъ, что сочувствія г. Потѣхина почти всегда правильны. Въ новой своей комедіи г. Потѣхинъ коснулся такъ называемаго нѣмецкаго вопроса, то есть отношенія нѣмцевъ къ намъ, русскимъ, на русской землѣ. Этотъ вопросъ занимаетъ теперь общество, стало быть первый залогъ успѣха и тутъ существуетъ; сочувствія г. Потѣхина опять правильны. Поэтому пѣса его снова имѣла-бы успѣхъ, и значителнѣйшій противъ прежнихъ, потому—ужь очень русскому сердцу любезно, когда нѣмцевъ пунать. Но тутъ представляется вопросъ: если-бы изъ пѣсы исключить выходки противъ нѣмцевъ, то имѣла-ли бы она успѣхъ? Навѣрно, въ десять разъ меньшій. Отчего-же? Оттого, что въ литературномъ отношеніи она очень слаба. Характеры не новы и очерчены слабо; многія лица, какъ напр., Настя, дочь графа Телятина, совершенно не ясны. Настя молчитъ почти всю пѣсу и вдругъ дѣйствуетъ противъ отца съ мачихой. Но еще не бѣда: главный недостатокъ въ томъ, что молодой Козьявкинъ, составляющій противувѣсъ молодому нѣмцу Кукуку, человѣкъ ни къ чему неспособный и ничего путемъ сдѣлать неумѣющій. Онъ рѣшается вдругъ, то подличать передъ графомъ, то—и столь-же неожиданно—для защиты любимой дѣвушки хватается за ружье, когда нѣтъ никакой причины для столь грознаго дѣйствія. Словомъ, сей юноша постоянно теряетъ голову, а хуже такого недостатка не придумаешь. Но не смотря на эти недостатки все таки нельзя не пожалѣть, что комедія г. Потѣхина не поставлена. При сценическомъ исполненіи многое-бы сгладилось и не казалось столь рѣзкимъ, какъ въ чтеніи. Есть впрочемъ въ комедіи г. на Потѣхина прекрасно очерченное лицо—это Марья Петровна, экономка въ усадьбѣ Телятиныхъ. Лицо это съ большою теплотой и любовью очерчено авторомъ.

Г. Глѣбъ Успенскій, писатель хотя мельче предъидущихъ, но все таки довольно извѣстный, помѣстилъ повѣсти подъ общимъ заглавіемъ «Разоренье». Не считая нужнымъ входить въ разборъ этого слабаго произведенія г. Глѣба Успенскаго, ограничимся общими замѣчаніями о развитіи его таланта. Слова наши могутъ быть отнесены и къ другимъ писателямъ такого-же пошиба, какъ г. Глѣбъ Успенскій. Г. Глѣбъ Успенскій своими первыми очерками обратилъ на себя вниманіе, но чѣмъ дальше, тѣмъ произведенія его становились слабѣе. Мелкіе очерки, форма весьма не дурная для начинающаго писателя, — но на ней остановиться невозможно. Требуется, чтобы талантъ крѣпнулъ, не повторился, не исписывался. Увы! у насъ случается чаще наоборотъ. Присматриваясь къ группѣ нашихъ «народоописателей» мы встрѣчаемъ у нихъ общіе недостатки: первое, отсутствіе серьезнаго образованія, которое непременно привело-бы къ опредѣленному міровоззрѣнію; между тѣмъ, даже тѣ журналы, которые помѣщали произведенія нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ писателей, признаются, что иныя разсказы ихъ отзываються духомъ «Вѣсти». Могло-ли подобное случиться съ писателемъ вполне образованнымъ? Далѣе, этотъ-же недостатокъ приводитъ къ другому, именно къ отсутствію наблюдательности. Ихъ разсказы основаны на фотографированіи говора, на сценахъ, замѣченныхъ мимоѣздомъ, на случайно схваченныхъ чертахъ характера. Это-ли наблюдательность? Наблюдать, значитъ изучать предметъ всесторонне, различать случайное отъ типическаго, не дразнить народный говоръ, а свободно употреблять слова и обороты, которые слышатся въ народѣ, и какихъ, по выраженію г. Некрасова,

... не придумаешь,
Хоть проглотилъ перо.

Впрочемъ, глотаньемъ перьевъ бѣдѣ не поможешь, а гораздо лучше изучать, а изучать можетъ только тотъ, кто научно образованъ. Последняго условія и нѣтъ у нашихъ «народоописателей», а потому, начавши бойкими и свѣжими очерками, они спускаются все ниже и ниже, начинаютъ варьировать старое и сочиняютъ, по своимъ-же образцамъ, сцены

и разговоры. Словомъ, они умѣютъ только *подмѣчать*, но лишены способности *наблюдать*. Все высказанное съ особой силой оправдалось на г. Левитовѣ, можетъ быть талантливѣйшемъ изъ разсматриваемой группы писателей.

Но возьмите совершенно-неизвѣстнаго писателя этого пошиба, напр. г. Чечерскаго, котораго чутъ-ли первый опытъ помѣщенъ въ III книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» подъ заглавіемъ «Послѣ смерти». И тутъ кое-что подмѣчено недурно, и о сохраненіи жаргона авторъ заботится, но таланта, мысли и не ищите; все старо и по старой манерѣ.

Печальныя мысли, навѣяныя на насъ чтеніемъ двухъ вышеозначенныхъ произведеній, разсѣялись нѣсколько при чтеніи первой части романа г-жи Ожигиной «Своимъ путемъ» (III-я книжка). Жизнь, описываемая дебютирующимъ (если не ошибаемся) авторомъ, скорбная и неприглядная жизнь, и статья къ ней въ абсолютно-отрицательныя отношенія было-бы самымъ легкимъ (хотя и пошлымъ) приемомъ. Но авторъ поступилъ иначе: въ немъ нашлось на столько теплоты сердечной, чтобы подмѣтить кое-что хорошее тамъ, гдѣ, казалось-бы, нѣтъ просвѣта; на столько ума, чтобы избѣгать излишества въ осужденіи. Много, конечно, у г-жи Ожигиной, какъ у начинающаго писателя, незрѣло, недосказано и блѣдно, но искренность тона, но теплое чувство сердечности сразу говорятъ о талантѣ. Пожелаемъ, чтобы романъ былъ конченъ также, какъ началъ, съ тою-же искренностью и съ тѣмъ-же теплымъ чувствомъ.

Мы могли-бы кончить, упомянувъ мимоходомъ, что переводы г. Вейнберга съ каждымъ разомъ становятся лучше, что стихи г. Дурова, полагающаго, что въ Западной Европѣ не бываетъ голода, напоминаютъ «долину гражданскихъ слезъ», что въ статьѣ «Поѣздка въ Испанію» много интереснаго, что переводы разеказовъ Джорджа Салы весьма стоитъ прочесть, — но считаемъ долгомъ обратить вниманіе на статью 2-ой книжки подъ заглавіемъ «Роскошный пиръ московской науки». Статья эта, хотя и притворяется критической, въ сущности должна быть отнесена въ беллетристической юмористикѣ. Авторъ задалъ себѣ цѣлью осмѣять половину московскихъ профессоровъ, для чего и выхватываетъ изъ «Сборника антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи» отдѣльныя фразы и издѣвается надъ ними. Штука эта стара и ее-бы бросить пора. Такія критики были нѣкогда въ ходу, но нынче или никого не удивишь, развѣ иной читатель удивится, какъ можно помѣщать такія статьи. Критическій приемъ выхватыванія отдѣльныхъ фразъ и переиhrанія чужихъ мыслей пора бы отдать въ полное владѣніе мелкимъ журналистамъ, которые издаются для увеселенія трактирныхъ посѣтителей.

Невесело видѣть, что такой критическій приемъ встрѣчаешь порой и въ «Отечественныхъ Запискахъ», и даже въ ученомъ «Вѣстникѣ Европы», гдѣ фельетонистъ, подписывающійся — о — занимается тѣмъ-же милымъ дѣломъ.

Изъ Парижа.

(Корреспондента «Всемирной Иллюстраціи»).

Запоздалая зима. — Будетъ снѣгъ! — Обновленіе театральнаго сезона. — Бульварная драма въ новомъ періодѣ. — *Ambigu* и *Porte St. Martin*. — Успѣхъ *Patrie*. — Оффенбахіады. — Моральный кризисъ. — Опять похороны. — Берліозъ. — Гдѣ молодежь? — Новые органы на старыя погудки. — «*Le Rappel*». — Катастрофа на площади Сорбонны. — Секретъ адекой науки. — Предполагаемыя причины взрыва. — Не люблю не слушать — лгать не мѣшай.

Зимній сезонъ еще во всемъ разгарѣ въ международномъ Вавилонѣ. Въ столицѣ же дуалистической имперіи онъ отошелъ. Пора было перебираться на берега Сены, чтобы захватить зимнюю фizioномію Парижа и выслѣдить ее до того момента, когда все разбѣдется по водамъ минеральнымъ и морскимъ, по горамъ и доламъ Италіи и Швейцаріи.

Парижъ окованъ непріятнымъ холодомъ. Все бѣгаетъ по бульварамъ съ красными носами, обвязанное фулярами, въ толстыхъ пальто. Женщины не сняли еще своихъ «шинелей», въ которыя они облеклись въ этомъ году. По кафе и театрамъ набито народу столько же, сколько и въ декабрѣ. Безъ постоянного сидѣнья у камина въ комнатахъ жутко. Словомъ, все приближается къ исполненію метеорологическаго предсказанія, что 25-го (13-го) марта долженъ выпасть снѣгъ, и притомъ, не въ послѣдній разъ. Для антрепренеровъ и драматическихъ писателей такая запоздалая зима, какъ не-

льзя больше на руку! Сезонъ, точно заново, начался въ мартѣ. Въмѣсто старыхъ погудокъ всѣ крупныя театры ставятъ новыя вещи, не откладывая ихъ до сентября. Большой бульваръ вошелъ теперь въ прежнія рамки драматургіи. Два театра, гдѣ родилась и развилась драма XIX вѣка: *Ambigu* и *Porte St. Martin* играютъ двѣ вещи, совершенно подходящія къ ихъ сценическому типу, и на одну и ту же тему: освобожденіе Нидерландовъ изъ-подъ испанскаго владычества. Драмы гг. Клерти и Петручелли отошли на второй планъ послѣ перваго представленія *Patrie* — Сарду. Здѣсь не мѣсто, въ нѣсколькихъ строчкахъ, передавать содержаніе этой пьесы и отзывы присяжныхъ критиковъ; но успѣхъ, во всякомъ случаѣ, громкій, и кажется, продолжительный. Театръ *Porte St. Martin* заживетъ прежней жизнью, помирившись съ драмой. Его погубили *pièces à femmes*; но теперешній директоръ, ловкій Рафаэль Феликсъ, не поддается на удочку, на которую пошелъ г. Маро Фурнье. Въ «*Gymnase*» *Серафима* даетъ все еще прекрасныя сборы, приближаясь къ сотому представленію. Оффенбахъ сразу разразился двумя новыми продуктами: *Vert-Vert*, въ Комической оперѣ и *Diva*, которая пойдетъ послѣ завтра въ *Bouffes*. *Vert-Vert* постигла участь «Робинзона». У легкаго Жака — манія взбираться, во что бы то ни стало, на высоты полусерьезной музыки! Въ Латинскомъ кварталѣ достигаютъ 200 вечеровъ «*Les Inutiles*» и въ *pendant* къ нимъ театрикъ Дежазе поставилъ комедію въ стихахъ «*Les désœuvrés*». Театральные моралисты видятъ въ этомъ утѣшительное знаменіе. Даже такія сцены, какъ Дежазе, гдѣ, кромѣ куплетцевъ и обнаженныхъ икръ ничего не было видно и слышно, ставятъ литературную, серьезную вещь, гдѣ предаются обличенію и заушенію хлыщи и коготки.

Парижъ только и знаетъ, что хоронитъ знаменитостей. Послѣ Ламартина тотчасъ же сошелъ въ могилу Берліозъ. Если пѣвцу «*Méditations*» выпала, къ концу его жизненнаго пути, доля забвенія, за то все время, когда онъ былъ въ цвѣтѣ своихъ силъ, соотечественники чествовали его, какъ великаго поэта и гражданина. Но Берліозъ никогда не пользовался популярностью между своими соотечественниками. Его музыка осталась «непонятой» массою публики, и только въ послѣднее время начали исполняться, въ нѣкоторыхъ концертахъ, кое-какіе отрывки изъ его произведеній. Какъ оперный композиторъ, Берліозъ совсѣмъ какъ бы не существуетъ для Франціи. Его сравниваютъ обыкновенно, по музыкальнымъ замысламъ, съ Вагнеромъ; но Вагнеровскія оперы, хотя и возбуждаютъ до сихъ поръ непріязненную полемику, вошли все-таки въ обиходъ нѣмецкаго опернаго репертуара. Ихъ даютъ на 60 нѣмецкихъ сценахъ, тогда какъ Берліозъ, послѣ неудачныхъ появленій передъ оперной публикой, совсѣмъ исчезъ съ подмостковъ. Его до смерти наполняло горькое чувство неуспѣха. Только приемъ, оказанный ему въ Россіи, утѣшилъ старика. Критики будущаго рѣшаютъ, кто правъ, кто виноватъ: французы ли, или самъ Берліозъ. Но у него не отниметъ никто теоретическихъ его достоинствъ. Какъ оркестровщикъ, Берліозъ долго будетъ служить высокимъ образцомъ, хотя и въ этой области, по мнѣнію людей, любящихъ простоту, онъ вдавался въ преувеличеніе, въ страсть къ колоссальнымъ размѣрамъ музыкальныхъ эффектовъ, къ разнымъ «*expériences d'acoustique*».

Старыя силы гаснутъ! Новыя не появляются! Гдѣ же молодежь? раздается со всѣхъ сторонъ вопросъ. И въ самомъ дѣлѣ, когда же молодежь выступитъ со своимъ «словомъ»? Чуть не ежедневно всплываютъ новыя литературныя и политическія органы; но они служатъ интересамъ старыхъ партій; они являются подъ патронатомъ людей предидущей эпохи. Человѣкъ, уѣхавшій изъ Парижа осенью, находитъ, по возвращеніи черезъ пять мѣсяцевъ, цѣлый ассортиментъ новыхъ ежедневныхъ и недѣльныхъ листковъ; но все это тоже... Самый новый, имѣющій явиться, органъ *Le Rappel*, будетъ опять-таки издаваться съ участіемъ Рошфора, идеалиста 30-хъ годовъ, Полема Морисомъ, Вакери и К° подъ покровительствомъ Виктора Гюго, который, какъ увѣряютъ злоязычники, позволяетъ этому журналу перепечатывать свои романы по 25 су за фельетонную строчку.

Не только наука и крупная публицистика, но и область сарказма и смѣха нуждается въ обновленіи. «Фонарь» Рошфора уже находятъ беззубымъ. Его подражатели вертятся, какъ бѣлка въ колесѣ, потому что ихъ философская и цивическая основа

размѣнена на мѣдные деньги или, лучше сказать, собрана изъ погремучекъ. Если театръ, дѣйствительно, стряхиваетъ съ себя шутовское тряпье разныхъ *blagues*, то на немъ, быть можетъ, и развернутся новыя животворныя силы, дѣйствуя непосредственно на тѣ массы, которыя каждый вечеръ вмѣщаютъ 40 театральныя храминъ Парижа.

Ужасная катастрофа на площади Сорбонны все еще собираетъ туда толпу. Передъ домомъ, гдѣ произошелъ взрывъ, лежитъ куча всякихъ обломковъ. Теперь человѣческія жертвы всѣ отысканы. Ихъ насчитываютъ до шести. Сынъ химика Фонтанъ, содержателя заведенія, найденъ былъ въ совершенно обугленномъ видѣ. Мать и отецъ его близки къ помѣшательству. Хотя о причинахъ взрыва производится слѣдствіе, но врядъ ли будутъ обнародованы подробности техническаго характера. Приготовленіе разрывнаго вещества, которое г. Фонтанъ заготовлялъ для морскаго министерства, составляетъ его секретъ. Секретомъ онъ и останется. На возгласы публики и прессы: какъ можно было позволить въ центрѣ города производить такія смертоносныя химическія операціи, «Официальный Журналъ» отвѣтилъ извѣщеніемъ, что г. Фонтанъ дѣйствовалъ противозаконно; что ему никто не позволилъ бы готовить горючіе и разрывныя составы не только въ этой лабораторіи, но и на фабрикѣ, окруженной другими строениями. Несомнѣнно однакожь, что адекое вещество было изготовляемо для морскаго министерства. Стало быть, оно готовилось для *практическаго* употребленія противъ тѣхъ несчастныхъ, которые будутъ имѣть морскую войну съ французами. Въ мирное время, взрывъ, съ шестью жертвами, вызываетъ всеобщій ужасъ; а чуть затрубитъ воинственная труба, самыя адекія измышленія, самыя чудовищныя гекатомбы возводятся въ подвиги героизма, въ побѣды и торжества! Иностранцы корреспонденты поторопились означеніемъ химическаго вещества и количества, въ которомъ оно находилось въ лабораторіи. Отъ людей компетентныхъ слышалъ я, что врядъ ли это было только одно *нитрокислое кали*, и врядъ ли оно воспламенилось при переливаніи изъ бутылей, отъ тренія о края сосудовъ. Еще ужаснѣе дѣлается эта катастрофа, когда подумаешь, что изобрѣтатель адекаго вещества, несмотря на погибель роднаго сына и на всѣ потрясающія подробности размозженія человѣческихъ существъ, все-таки будетъ скрывать способъ его изготовленія, и черезъ нѣсколько времени начнетъ опять производить составы для вящаго истребленія рода человѣческаго. Постыдна роль науки въ подобныхъ случаяхъ! Если она, впереди другихъ орудій цивилизаціи, не разорветъ энергически всякую солидарность съ варварствомъ войны, то чего же ждать отъ массъ, въ которыхъ животныя инстинкты не умѣряются работой интеллигенціи!...

Не обошлось, разумѣется, и безъ разныхъ «*blagues*» по поводу катастрофы. Хлестаковы и Ноздревы всякаго вида и пошиба пустились уже въ ходъ чудовищныя выпотѣнья своихъ, легко воспламеняемыхъ мозговъ. Такъ, одинъ изъ этихъ милыхъ проказниковъ завѣрялъ пріятелей, что въ моментъ взрыва онъ шолъ гдѣ-то за укрѣпленіями, на разстояніи часа ходьбы отъ Сорбонны, и трубка, лежавшая у него въ карманѣ панталонъ, распалась въдребезги, точно цинкъ на петербургскомъ морозѣ!...

Se non e vero e ben trovato!

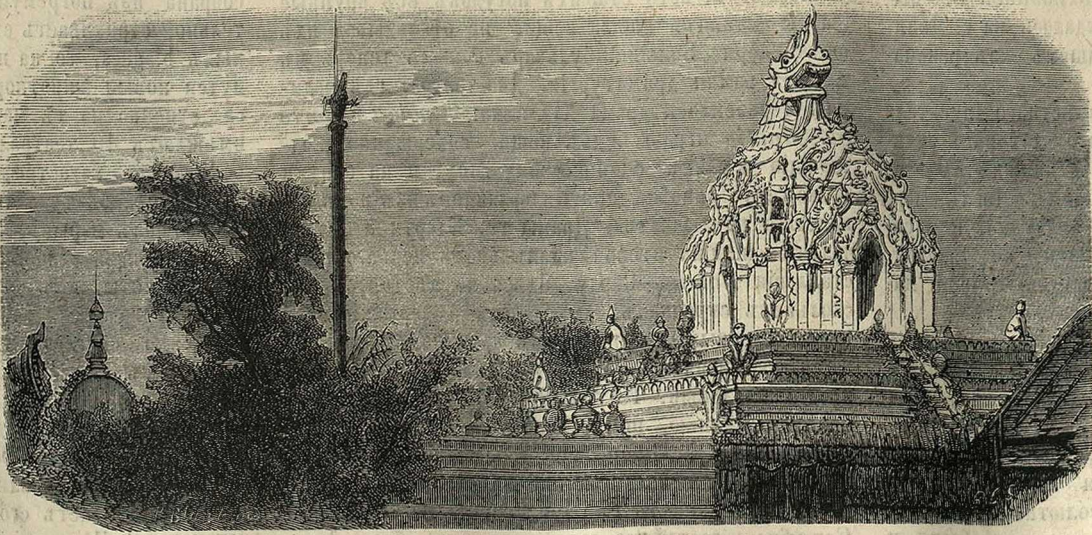
21-го (9-го) марта 1869.

Бирманія.

Какой-то путешественникъ сказалъ, что Бирманія рай, находящійся случайно во власти ада. Дѣйствительно, климатъ тамъ самый здоровый; природа отличается необыкновенною красотою и разнообразіемъ; населеніе, свободное отъ всѣхъ кастовыхъ и религіозныхъ предразсудковъ, составляющихъ препятствіе для цивилизаціи Индостана, одарено прекрасными способностями; но всѣ эти преимущества почти совершенно исчезаютъ отъ гнуснаго управленія этою прекрасною страной. Теперешній король, человѣкъ около сорока лѣтъ, съ довольно пріятною наружностью, нѣсколько обезображенною слишкомъ отлогимъ лбомъ и оттопыренными губами отъ постоянного набиванія рта жвачкою изъ бете-ля; онъ пользуется между путешественниками и купцами, посѣщавшими его столицу, славою великодушнаго человѣка; въ сущности же такъ называемое великодушіе короля есть только простой раз-

счетомъ съ его стороны и онъ старается только о томъ, чтобы путешественники составили себѣ высокочестное о его нравственныхъ качествахъ и разгласили бы по всему свѣту, что онъ самый великій изъ всѣхъ государей. Къ несчастью его величества, онъ вредитъ своей репутаціи тѣмъ, что самъ занимается торговлею и такъ, какъ онъ большею частью не сдерживаетъ своихъ обещаній и не соблюдаетъ никакихъ условій, совершенно не обращая вниманія на послѣдствія своего вѣроломства, то въ королѣ только и остается королевскаго, что одинъ титулъ; что касается до его

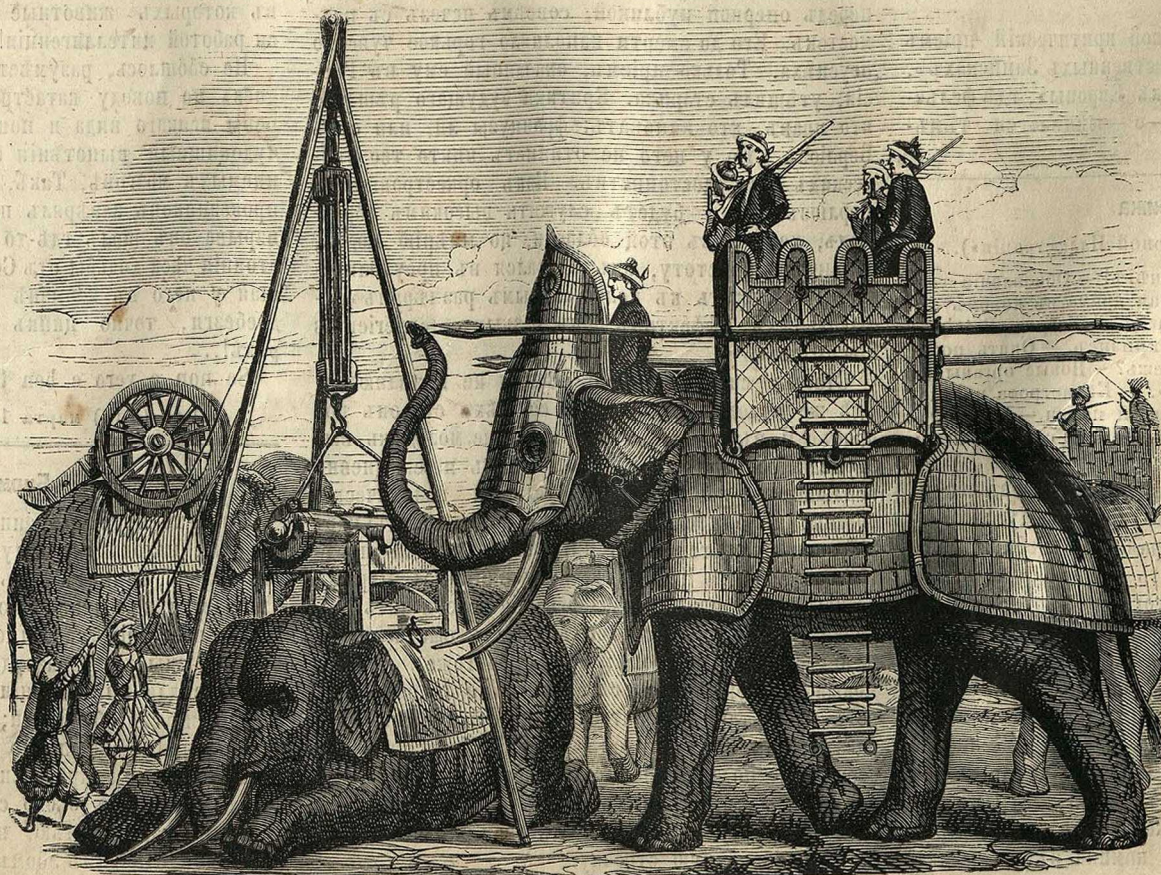
БИРМАНИЯ: Пагода дракона, по дорогѣ изъ Пагана въ Амарapura.

БИРМАНИЯ: Монастырь, построенный изъ кирпича бывшимъ амарапурскимъ правителемъ.

нравственныхъ качествъ вообще, то возмутительная ихъ гнусность выдаетъ его происхождение отъ мужа Аломпры.

Рядомъ съ королемъ, во главѣ правленія находится его братъ, который по бирманскому обычаю пользуется титуломъ и правами наслѣднаго принца. Въ то время, какъ его величество проводить большую часть своего времени съ жонами или на охотѣ, наслѣдный принцъ ежедневно занятъ наблюденіемъ надъ выдѣлкою оружія въ мастерской, устроенной однимъ французомъ, по имени Шанэ, очень искуснымъ работникомъ и талантливымъ механикомъ. На сколько король недѣтеленъ, на столько же братъ его энергиченъ. Но власть наслѣдника престола совершенно ничтожна, хотя онъ болѣе популяренъ чѣмъ его братъ, среди-

БИРМАНИЯ: Артиллерія на слонахъ.

населенія, боящагося его болѣе чѣмъ самого короля.

Четверо великихъ министровъ, называемыхъ *сундожи*, нѣкогда пользовались обширною властью. Теперь они дѣйствуютъ коллективно, исключая военнаго министра, который непосредственно командуетъ войсками. Четверо другихъ министровъ, *атуинсунъ* — ежедневно являются во дворецѣ. Обязанности ихъ очень различны; они повѣряютъ счеты еunuховъ, наблюдаютъ за исполненіемъ наказаній надъ придворною челядью, заключаютъ торговые условія при продажѣ или покупкѣ, отмѣриваютъ матерію на платья королевскимъ жо-

намъ и по приказанію короля точно также сѣмъ наблюдаютъ за постройкою конюшни, какъ и за сооруженіемъ пагоды. Трудно описать бѣдственное положеніе, въ которомъ находится населеніе Бирманскаго королевства. Тамъ всѣ законы какъ бы составлены только для того, чтобы выжимать изъ народа все до послѣдней копѣйки. Въ Бирманіи законъ никого не защищаетъ, но давить; горе тому, кто призываетъ его на помощь!

Впрочемъ, въ сущности, въ Бирманіи нѣтъ закона: тамъ существуетъ только воля короля. Эта воля или вѣрнѣе самовольство короля иногда заходитъ очень далеко. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у короля умерло одно изъ любимыхъ его дѣтей. Вслѣдствіе этого, желая почтить умершаго, король отдалъ строжайшее при-

БИРМАНІЯ: Лестина ведуча в главну пагоду.

W. Bland

казаніе, чтобы никто не смѣлъ убивать ни одного животного на известномъ разстояніи отъ столицы, въ продолженіи известнаго срока. Запрещеніе это продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ населеніе болѣе чѣмъ въ 150,000 человекъ должно было питаться овощами и рыбою.

Бирманія нѣкогда была обширною имперіею. Пока бирманцы имѣли дѣло только съ сѣсѣдними азіатскими племенами, они во всѣхъ войнахъ оставались побѣдителями; но со времени утвержденія англійскаго владычества въ Бенгаліи, слава и непобѣдимость ихъ значительно упали. Послѣ первой стычки съ англичанами, бирманцы потеряли Араканъ и Тенассеримъ. Позднѣе, въ 1852 г., вслѣдствіе дерзости и безчестныхъ поступковъ бирманскихъ губернаторовъ, Бирманская имперія потеряла одну изъ лучшихъ и богатѣйшихъ своихъ провинцій—Пегу. Въ настоящее время бирманцы находятся въ такомъ стѣснительномъ положеніи, что могутъ потерять и остатки своихъ владѣній. Долгое время между англичанами и Бирманіею не существовало никакихъ трактатовъ, такъ что король бирманскій могъ совершенно почти безнаказанно дѣлать всевозможныя несправедливости и притѣсненія англійскимъ купцамъ. Но наконецъ Англія рѣшилась прекратить всѣ эти злоупотребленія и принудила бирманскаго короля заключить торговый трактатъ.

По окончаніи послѣдней войны съ Англіею, нынѣшнему бирманскому королю пришла въ голову мысль, что если онъ перемѣнитъ мѣсто своего пребыванія, т. е. переберется жить въ другую столицу, то царствованіе его будетъ счастливѣе царствованія его предшественника. Поэтому Амарapura была покинута и начата постройка новой резиденціи Манделая, въ двѣнадцать миль отъ древней Авы. Новый городъ расположенъ на восточномъ берегу Ировадди. Улицы города прямыя, широкія, пересекающіяся подъ прямыми углами; ночью онъ ничѣмъ не освѣщается. Все населеніе, за исключеніемъ нѣсколькихъ мусульманъ, исповѣдуетъ буддійскую вѣру. Въ городѣ очень мало иностранцевъ, это по большей части персіяне и армяне; единственный англичанинъ, живущій въ Манделай, докторъ Уильямсъ, исполняетъ должность агента своего правительства.

Кирпичныя строенія въ новой столицѣ большая рѣдкость, болѣею частью они построены изъ бамбука и тиковыхъ досокъ. Окрестности города застроены уже пагодами и монастырями, которыхъ не мало и въ самомъ городѣ. Но для того, чтобы ознакомиться съ бирманскою архитектурою и вкусомъ, надо посѣтить Амарapura и Пагамъ. Предлагаемые здѣсь рисунки, сдѣланные съ фотографій, могутъ дать нѣкоторое понятіе объ оригинальности бирманскихъ построекъ.

Амарapura означаетъ «городъ безсмертныхъ». Городъ этотъ былъ основанъ императоромъ Ментараджи-Фра, сыномъ храбраго Аломпы, родоначальника царствующей династіи. До того времени резиденціею бирманскихъ государей была Ава въ продолженіи почти четырехъ вѣковъ. Сынъ Ментараджи, умершаго въ 1819 году, снова перенесъ свою столицу въ Аву. Въ 1837 году братъ императора, князь Тарауади, овладѣлъ престоломъ и снова поселился въ Амарapura.

Амарapura расположена на возвышенной мѣстности, которая въ дождливое время года, когда Ировадди вздувается отъ прибыли дождевой воды, образуетъ нѣчто въ родѣ длиннаго полуострова, соединяющагося съ материкомъ съ сѣверной стороны. Городъ построенъ квадратомъ, который есть форма общая всѣмъ бирманскимъ городамъ и вѣроятно имѣетъ какое нибудь основаніе въ древнихъ преданіяхъ; дѣйствительно, въ буддійскихъ книгахъ, Трайястринска, жилище бога Индры и тридцати двухъ видовъ, описывается большимъ четырехугольникомъ съ дворцомъ посерединѣ. Такъ же точно построена и Амарapura, въ центрѣ которой находится императорскій дворецъ. Дворецъ этотъ окруженъ кирпичною стѣною около 6 аршинъ вышиною, съ зубчатымъ брустверомъ и землянымъ валомъ; стѣна, образующая четырехугольникъ, имѣетъ съ каждой изъ четырехъ сторонъ по трое воротъ и одиннадцать бастіоновъ. Всѣ эти укрѣпленія построены изъ кирпича, скрѣпленнаго цементомъ. Весь городъ, перерѣзанъ прямыми параллельными улицами, раздѣляющими его на нѣсколько кварталовъ. Улицы эти довольно широки и въ сухое время года совершенно чисты, но во время дождей, нѣкоторые изъ кварталовъ представляютъ изъ себя болота. Вообще не принимается никогда никакихъ мѣръ для очистки улицъ и дорогъ; всѣ нечистоты

пожираются собаками, которыя, также какъ и въ нѣкоторыхъ восточныхъ городахъ, берутъ на себя добровольную обязанность наблюдать за чистотою улицъ. Впрочемъ, ширина улицъ много способствуетъ тому, что воздухъ довольно чистъ и почти нигдѣ не ощущается зловонныхъ мѣзмовъ, которые всегда такъ несправедливо поражаютъ европейцевъ въ индійскихъ городахъ.

Дома, болѣею частью, выстроены изъ бамбука; они возвышаются надъ землею на балкахъ. Вдоль главныхъ улицъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ домовъ, тянется полисадникъ, состоящій изъ красиваго трельяжа съ горшками цвѣтовъ; полисадникъ этотъ, Иайя-Матъ (царскій полисадникъ) назначенъ для того, чтобы удерживать въ отдаленіи толпу въ то время, когда король ѣдетъ по улицѣ, а также для того, чтобы не дозволить любопытнымъ смотрѣть на государя.

Король, на лицо котораго смотрѣть никому не дозволяется, живетъ во дворцѣ недалеко отъ городского вала, въ восточной части города. Вокругъ дворца расположены жилища придворныхъ и офицеровъ, состоящихъ при особѣ государя. Въ числѣ этихъ зданій находится также и дворецъ бѣлаго слона. Обыкновенные слоны помѣщаются также неподалеку, но они не пользуются такими почестями и привилегіями, какъ бѣлый товарищъ. Бѣлый слонъ, также какъ и главные государственные сановники, имѣетъ особые доходы.

По словамъ Аллана, путешественника по Бирманіи, населеніе Амарapura, со включеніемъ предмѣстій, состоитъ изъ 90,000 душъ. Но вообще говоря, численность населенія до сихъ поръ еще неизвѣстна съ точностью, такъ какъ одинъ англійскій путешественникъ увѣрялъ, будто-бы число жителей этого города равняется 100,000 душъ, потому что король бирманскій, при восшествіи на престолъ, роздалъ такое число подарковъ, состоявшихъ изъ кусковъ матерій, по одному на каждого жителя.

Бирманцы исповѣдуютъ буддійскую религію. Божество, которому они поклоняются, называется Годама или Готама, и есть послѣднее воплощеніе Будды. Какъ кажется, буддійскіе догматы и монашеская жизнь сохранились у бирманцевъ въ полной чистотѣ. Храмы и пагоды, посвященные Буддѣ, украшаются бирманцами съ удивительною роскошью. Храмы, построенные около часовни или ниши, гдѣ возвышается колоссальная статуя Готамы, извѣстная подъ именемъ араканскаго идола, представляетъ чудо скульптуры, необыкновенно богатой тонкими украшеніями. Два храма Мага-Тоолутъ-Бунгйо и Мага-Оомйя-Пейма отличаются необыкновеннымъ изяществомъ постройки.

Но ни одинъ городъ не представляетъ такого огромнаго числа храмовъ и пагодъ, какъ городъ Паганъ; городъ этотъ можетъ быть вполне названъ некрополемъ, такъ какъ онъ необитаемъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Это музей развалинъ, величественныхъ, причудливыхъ, вызывающихъ въ каждомъ путешественникѣ удивленіе и восхищеніе. Здѣсь насытиваются отъ восьмисотъ до тысячи храмовъ. Паганъ расположенъ на берегу Ировадди; преданія рассказываютъ, что въ древности городъ этотъ служилъ резиденціею бирманскимъ императорамъ въ продолженіе десятковъ вѣковъ. Что же касается до происхожденія этого города, то онъ теряется въ туманѣ преданій. Въ бирманскихъ хроникахъ значится, будто-бы Паганъ былъ основанъ въ 107 году, и это очевидно относится къ верхней части города; позднѣйшая же нижняя часть города, представляющая рядъ развалинъ, основана въ 847 или 849 году. Въ 1284 городъ былъ совершенно разрушенъ китайцами, вторгшимися въ бирманскую имперію. Хроники увѣряютъ, что китайское войско, во время этого опустошенія Бирманіи, состояло изъ 20,000,000 человекъ пѣхоты и 6,000,000 кавалеріи.

Три главныхъ храма, возобновленные и привлекающіе и теперь еще множество богомольцевъ: Ананда, Тапини, построенный въ 1100 году, и Годапаленъ, основанный въ 1160 году. Всѣ три храма построены почти одинаково. Другіе религіозные памятники въ Паганѣ построены на подобіе колоколовъ, яицъ, тыквъ и т. п.

Въ бывшемъ королевствѣ Пегу, которымъ бирманцы владѣли до 1853 года, когда они должны были уступить его англичанамъ, находится городъ Промъ, имѣющій двѣ мили въ окружности и окруженный, также какъ Амарapura, каменною стѣною, ровомъ и полисадомъ. Городъ этотъ сильно страдалъ отъ ряда почти безпрестанныхъ войнъ; пагоды не

разъ превращались въ казармы; кромѣ того, въ 1856 году, пожаръ произвелъ въ городѣ огромныя опустошенія. Но, подъ управленіемъ англичанъ, городъ этотъ принялъ снова благообразный видъ. Къ несчастію населеніе города чрезвычайно малочисленно; можно подумать, что послѣ осады Промъ бирманскимъ королемъ въ 1545, гдѣ погибло болѣе 200,000 человекъ, населеніе страны до сихъ поръ еще не возрасло до прежней цифры своей численности.

За городомъ тянутся предмѣстья и окрестные холмы покрыты пагодами. Главная изъ нихъ *Золотая пагода* вызолочена съ низу до верху. Къ этой пагодѣ поднимаются по каменной лѣстницѣ, покрытой множествомъ *зайятовъ*; зайяты представляютъ родъ открытыхъ часовенъ, въ которыхъ помѣщаются идолы и которыя всегда сопровождаютъ бирманскіе храмы. Часовни эти служатъ также убѣжищемъ и мѣстомъ отдыха, а нерѣдко и караванъ-сараемъ для всѣхъ богомольцевъ и путешественниковъ.

Вокругъ главнаго зданія Золотой пагоды расположено нѣсколько меньшихъ пагодъ, въ которыхъ поставлены мраморные идолы въ естественную величину. Въ окружности храма возвышается нѣсколько пирамидъ, *Эмэ*, мацѣ украшенныхъ флагами и съ изображеніемъ священной птицы на верхушкѣ; изображеніе этой птицы есть плодъ одной фантазіи и не напоминаетъ формами ни на одну изъ птицъ живущихъ на свѣтѣ. Тутъ же находится отдѣльный небольшой храмъ, въ которомъ хранится отпечатокъ въ глинѣ ступни бога Готамы.

Въ настоящее время городъ Промъ ведетъ обширную торговлю горнымъ масломъ. Вся мѣстность около Промъ пропитана запахомъ этого продукта. По дорогѣ отъ Промъ до Йэ-Нанъ-Гьонгъ, главнаго мѣста нахожденія горнаго масла, запахъ становится невыносимъ; по обѣимъ сторонамъ дороги лежатъ груды глиняныхъ горшковъ и всѣ окрестности наполнены печами для обжиганія этихъ горшковъ, предназначенныхъ для собиранія нефти. Деревня, производящая наибольшее количество нефти, называется Йх-Нанъ-гунгъ, что по бирмански означаетъ *источникъ кипящей воды*. Неизвѣстно, когда были открыты эти источники и сколько лѣтъ они эксплуатируются. Число этихъ источниковъ, по словамъ капитана Йюля отъ 100 до 200, по словамъ же Говарда Малькольма (*The Birman Empire*) ихъ болѣе 400.

Колодцы нефти занимаютъ поверхность въ 260 гектаровъ, и составляютъ частную собственность тридцати трехъ жителей упомянутой деревни, вѣроятно потомковъ лицъ открывшихъ эти источники. Эти тридцать три человека составляютъ корпорацію, связанную общими интересами. Ни одинъ изъ членовъ этого общества не имѣетъ права продать своей части кому нибудь другому, кромѣ своихъ сочленовъ. Они такъ далеко простираютъ ограниченіе правъ собственности, что и бракъ совершаютъ только между собою; но обычай этотъ начинаетъ исчезать вслѣдствіе усвоенія образованія. Нефть въ этихъ странахъ не только служитъ для освѣщенія, но и какъ лекарство; ее употребляютъ противъ различныхъ кожныхъ болѣзней.

ЕЛЬЕТОНЪ.

Весна и великопостныя удовольствія.—На что похожи театры въ великомъ посту?—Можно-ли обижаться на г. Киркора?—Кое-что о его двойникѣ, г. Скарятинѣ.—Вопросъ о подаркахъ, подносимыхъ артистамъ.

Въ Петербургѣ весна, то есть такая, какая можетъ быть въ Петербургѣ. У насъ весна узнается не потому, что травка зеленѣетъ на свѣтѣ, и деревья расцвѣтать начнутъ,—нѣтъ, до этого намъ далеко еще! Къ намъ и жаворонки даже не прилетаютъ, да и что имъ у насъ дѣлать? Благо солнце грѣетъ, дрожки тарохтятъ, на главныхъ улицахъ свѣтъ сошолъ—вотъ вамъ и весна; правда, забылъ еще одинъ признакъ: у Гостиннаго и Пассажа начинаютъ шары воздушные продавать. Но Петербургъ городъ весьма разнообразный, хотя его и окрестили казарменно-однообразнымъ. Это не правда, у насъ даже времена года не во всѣхъ частяхъ города одновременно начинаются. На Невскомъ весна полная, но стоитъ подойти къ Александринскому театру, чтобы увидать цѣлыя горы грязнаго свѣга: у казенныхъ зданій зима всегда крѣпче и долѣе стоитъ. На Петербургской и Выборгской еще настоящая зима: тамъ еще на саянахъ ѣздятъ. Бѣдные чухонцы, застрявшіе въ городѣ, нанимаютъ ломовиковъ, чтобы дотащили ихъ

узкая и длинная сани до Выборгской—оттуда еще санная дорога стоит.

Но все это не настоящие весенние признаки; весна, известно, пора любви, а мы еще за две недели до поста возжаждали любви на Александринском театре, — могла ли эта жажда любви оставить нас? когда солнце стало пригривать наши и без того легко воспламеняющиеся сердца? Разумается, нет.

Наши великопостные увеселения, когда собственнот театры закрыты, ясным образом доказывают, что жажда любви не оставила нас. Комедии, драмы, даже водевили, не даются; но куплеты, конечно по игривости которые, поются весьма усердно. Взгляните на любую афишку, извещающую о концерте съ живыми картинами, — что там увидите? Игривые куплеты, игривые живые картины, даже Принцессу Герольдштейнскую, для мясобеда оказавшуюся слишком скромною. Так-то мы веселимся. Даже клубы картины из «Прекрасной Елены» ставят, — так оно и подобает. Все мы прекрасноеенствуем. Похвально.

Отчего же нет театров в великом посту? Да оттого, что прежде не бывало. Говорят, консерватизму въ нас мало; о, несколько не меньше, чемъ въ Англии. Газеты ежегодно извѣщаютъ, что въ нынѣшнемъ-де посту театры будутъ; на томъ дѣло и останавливается.

Театральныя афиши весьма напоминаютъ въ посту афиши г.г. Берга, Излера и тому подобныхъ заведений. И тамъ пѣсенки и живыя картины. Вотъ во что театръ превращается въ великомъ посту.

Что же нового, кромѣ игривыхъ зрѣлищъ? Да ничего, или очень мало. Нетъ-ли публичныхъ лекцій? Есть, но мало, особенно въ сравненіи съ прошлыми годами. Зависть беретъ, какъ заглянешь въ московскія газеты, — тамъ публичныхъ лекцій куда больше читается. Ну, да въ Москвѣ все старья держится, а мы на модѣ помѣшаны. Правда-ли только, на модѣ-ли? Вотъ въ Парижѣ мода на игривые спектакли прошла, — не пора-ли и намъ бросить ихъ? Пора, да не хочется.

Новость еще есть такого сорта: г. Киркоръ въ своей газетѣ напечаталъ нѣчто обидное для г.г. военныхъ. Теперь онъ извиняется и проситъ прощенья въ своей-же газетѣ. Конечно, лучше-бы не печатать ничего такого, въ чемъ извиняться приходится. Одно насъ поразило въ заявленіи г. Киркора: онъ пишетъ, что «призналъ невозможнымъ согласиться на то удовлетвореніе, которое отъ него было потребовано». Единственное удовлетвореніе въ подобномъ случаѣ, конечно, судъ — не на дуэли-же драться съ г. Киркоромъ! Отчего-жъ оскорбленные не потребовали его въ судъ?

Да и стоитъ-ли оскорбляться выходками «Новаго Времени» и «Вѣсти»? Въдѣ не оскорбились-же русскіе чиновники, служащіе въ западныхъ и привисленскихъ губерніяхъ, когда сіи полонофилы обвиняли ихъ—шутка-ли?—въ государственныя преступленія, въ социализмъ и коммунизмъ.

«Вѣсть» (благо дѣло коснулось ее) до того заслужила за границы славу враждебной Россіи газетѣ, что на нее весьма охотно ссылаются, когда о Россіи хотятъ отозваться не выгодно. Напр. въ одномъ изъ послѣднихъ №№ французскаго «Космоса» находимъ извѣстіе, что въ Литвѣ-де тифъ свирѣпствуетъ отъ голода, а голодъ-де отъ того, что по сказанію газеты Viest (и пишутъ-то ее латинскими буквами на польскій ладъ) Россія разорила сей, нѣкогда цвѣтущій, край.

Вопросъ о поднесеніи подарковъ артистамъ занимаетъ еще и общество и журналистику. Г. Стасовъ напечаталъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» статью подъ заглавіемъ «На судъ всѣмъ», гдѣ (оставляя въ сторонѣ случай съ г-жой Лавровской) разбираетъ данный вопросъ съ общей точки зрѣнія. Статья эта смотритъ на дѣло очень правильно, и нельзя не согласиться съ доводами г. Стасова. Онъ говоритъ, что во всѣхъ сужденіяхъ на счетъ одобренія отказовъ артистовъ отъ подарковъ «присутствуетъ немало духа кротости и смиренія, а также такъ называемаго чувства собственнаго достоинства, на выворотъ понимаемаго». Далѣе, онъ доказываетъ, что вся публика участвуетъ въ поднесеніи подарка артисту, хотя-бы починъ этого и принадлежалъ двумъ-тремъ членамъ общества. И это справедливо: публика принимаетъ въ этомъ участіе своимъ одобреніемъ, рукоплесканіями. Вотъ какъ онъ объясняетъ происхожденіе подарковъ; считаемъ не лишнимъ выписать это мѣсто цѣликомъ; сказавъ, что истинный артистъ непременно

будетъ увлеченъ сочувствіемъ публики, г. Стасовъ продолжаетъ:

«Но въдѣ я не отказываюсь отъ благодарностей публики и отъ ея восторговъ! отвѣчаетъ непонимающій, но гордый артистъ: я не отказываюсь ни отъ рукоплесканій, ни отъ цвѣтовъ, букетовъ и вѣнковъ, которыми публикѣ угодно почтить меня, во всемъ этомъ достаточно можетъ выразиться удовольствіе или сочувствіе публики; но я отказываюсь только отъ одного—отъ цѣнныхъ подарковъ, мои «убѣжденія» запрещаютъ мнѣ принимать ихъ.—Ваши убѣжденія! Мы не знаемъ, въ чемъ они состоятъ, ваши убѣжденія, но и у насъ есть свои убѣжденія, и вотъ ихъ-то мы понимаемъ очень ясно. Они состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что очень жаль, когда кто смотритъ съ какой-то странной и невообразимо-кривой точки зрѣнія на вещи совершенно простыя и понятныя. Вамъ угодно ничего другаго не видѣть въ подносимыхъ публикою подаркахъ, кромѣ ихъ рыночной цѣны, кромѣ ихъ продажной стоимости. Но кто же вамъ сказалъ, что всѣ люди только такъ и могутъ смотрѣть на эти предметы, и что у нихъ нѣтъ никакого другаго значенія, кромѣ рыночнаго? Кто же изъ публики назначалъ ихъ на продажу, кто же изъ артистовъ когда-нибудь пускалъ ихъ въ оборотъ и выручалъ изъ нихъ деньги? Нѣтъ, всѣ эти вещи были всегда въ глазахъ публики и артистовъ только такими предметами, которые должны просуществовать какъ можно дольше и сохранить память о томъ, чего не слѣдуетъ забывать. Цвѣты на другой день завянутъ, рукоплесканія и крики восторга замрутъ въ воздухѣ въ первую же минуту; какъ же публикѣ не подумать о томъ, что есть еще и другія средства выраженія, что есть такіе предметы, которые, однажды поднесенные, уцѣлѣютъ надолго, навсегда, въ рукахъ того, кому были поднесены. Въдѣ не всѣ же способны быть въѣкъ равнодушны къ участи того, что думаютъ, дѣлаютъ или чувствуютъ. Есть много такихъ людей, которые родятся совершенно лишними способностями быть апатичными, невозмутимо-безразличными къ любымъ мотивамъ и событіямъ своей же собственной жизни; есть люди, которымъ до всего есть дѣло, и въ себѣ и въ другихъ, всего болѣе до лучшихъ, высокихъ минутъ, когда-то пережитыхъ подъ вліяніемъ чего-то чудеснаго, увлекательнаго — люди, которые ни за что не согласны, чтобъ эти минуты исчезли безъ слѣда; и вотъ они сходятся вмѣстѣ—эти люди, и соединенные однимъ общимъ ощущеніемъ и воспоминаніемъ, они передаютъ въ руки тому человѣку, къ кому горятъ глубокою благодарностью, такую вещь, которая останется неизгладимымъ воспоминаніемъ о счастливомъ для всѣхъ ихъ днѣ и часѣ. Преподнесъ людямъ еще этого не было нужно: имъ не было никакого дѣла до того, исчезнетъ ли, или нѣтъ выраженіе ихъ восторга, благодарности. Но у нынѣшнихъ людей это уже стало иначе. Они дорожатъ своимъ чувствомъ столько же, сколько своею мыслію, имъ невыносимо, чтобъ исчезло безъ слѣда и послѣдствія то, что играло извѣстную роль въ исторіи ихъ жизни. Прежде ставили монументы сановникамъ, и они одни считались важными общественными дѣятелями: нынче публика, болѣе вѣрно сознающая свои права и обязанности, болѣе цѣнящая свою частную, душевную жизнь—прежде затоптанную или позабытую—начинаетъ поднимать голову и рѣшать сама собой вопросы о томъ, что важно и дорого ей, что достойно памяти какъ услуга, какъ наслажденіе, доставленное ей, и если она не ставитъ еще монумента или памятника всякій разъ, когда хочетъ, то по-крайней-мѣрѣ, дѣлаетъ первый шагъ къ тому, складывая свои рубли всякій разъ, когда находитъ то нужнымъ, и поднося маленькую, способную долго сохраниться вещь на память дорогому себѣ человѣку. Это ли еще можно назвать меценатствомъ и барствомъ, это ли еще надо стараться своротить съ дороги и выбросить вонъ? Какое непониманіе, какой мелкій, ребячій взглядъ!»

Все это совершенно вѣрно и превосходно выражено. Далѣе г. Стасовъ разбираетъ также вопросъ, что не лучше-ли жертвовать деньги, употребленныя на подарокъ, на голодающихъ и т. п.? Онъ говоритъ, что если смотрѣть на дѣло съ этой исключительной точки, то и театры придется закрыть, и отъ жалованья артистамъ отказаться.

«Петербургскія Вѣдомости» стараются въ примѣчаніи редакціи опровергнуть это мнѣніе: они говорятъ, что если общество имѣетъ право подно-

сить подарки, то и артисты имѣютъ право отказываться отъ нихъ. Но развѣ тутъ дѣло въ правѣ, развѣ тутъ возможны какія-либо юридическія отношенія? Приведенныя нами выше слова г. Стасова лучше всего опровергаютъ такое воззрѣніе. Далѣе, та-же газета говоритъ, что сочувствіе можетъ быть высказано артистамъ рукоплесканіями, вызовами, посѣщеніемъ тѣхъ спектаклей, въ которыхъ участвуютъ любимцы общества и, наконецъ, такими вещественными знаками, какъ букеты, доступные даже людямъ съ среднимъ состояніемъ, между которыми нельзя же отрицать присутствіе «истинныхъ» цѣнителей и судей.

Начать съ того, что за посѣщеніе театра деньги платятся и стало быть тутъ тоже нѣкоторымъ образомъ вещественные знаки участвуютъ. А что сказать о бенефисахъ или концертахъ, даваемыхъ артистами, въ свою пользу? Неужели не ходить на нихъ? Или сборъ съ концерта не оскорбителенъ для артиста, а подарокъ оскорбителенъ? Но почему же? Далѣе, букеты зимою не очень дешевы: 25 и до 50 рублей стоятъ. Да и въ подаркахъ участвуютъ часто многіе, вовсе не богатые люди, деньги собираются часто по рублямъ и даже копѣйкамъ. Мы видѣли у одного артиста весьма недорогой посеребренный портъ-сигаръ, поднесенный ему солдатами за постановку пьесы на ихъ театрѣ, — и артистъ дорожилъ имъ столько-же, сколько и дорожилъ браслетомъ, поднесеннымъ ему купеческимъ обществомъ богатаго провинціальнаго города. Да и часто, небогатые люди участвуютъ въ подаркахъ, дѣлаемыхъ въ складчину.

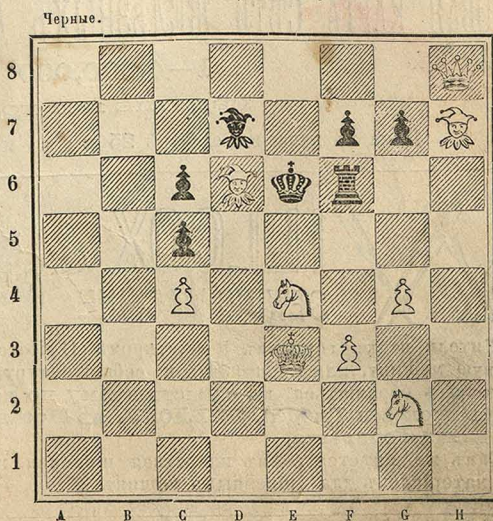
Говорятъ еще, —отчего поэтамъ, писателямъ, живописцамъ не подносить подарковъ? Да оттого, что творчество ихъ и ознакомленіе съ ихъ твореніями происходитъ иначе. Творчество актера существуетъ только въ данный спектакль, — спустился занавѣсъ, осталось впечатлѣніе, но гдѣ художественное созданіе?—его нѣтъ, оно исчезло. Оно не повторится въ точности. Далѣе, актеръ, пѣвецъ, вообще художникъ-исполнитель существуетъ только для современниковъ. Чтѣ имя Мачалова, или Гаррика, или Бурбеджа, или Мартынова, — для не видавшихъ ихъ? Славное имя, съ которымъ не связано никакого опредѣленнаго представленія. Притомъ, исполнитель дѣйствуетъ на всю массу зрителей, писатель-же напр. на одиночныя личности. Тутъ не бываетъ того общаго чувства, которое овладѣваетъ всей массой зрителей, того одновременнаго взрыва рукоплесканій!

Говорятъ, злоупотребляютъ поднесеніемъ подарковъ,—правда. Но чѣмъ не злоупотребляютъ? Къ чему же помнить объ однихъ злоупотребленіяхъ? Почему мы не вспомнимъ оваціи, сдѣланной въ нынѣшнемъ году В. В. Самойлову, подарковъ, поднесенныхъ такимъ исполнителямъ, какъ О. А. Петровъ, г-жа Деллапортъ, г. Васильевъ 2-й, г-жа Напталъ?

Къ чему же помнить однѣ злоупотребленія, а доброе забывать? И не только однимъ актерамъ подносить подарки—ихъ подносятъ и другимъ художникамъ-исполнителямъ. Вспомнимъ о дирижерскомъ жезлѣ, поднесенномъ во время славянскаго съѣзда г-ну Балакиреву и другіе подобные случаи. Подносятся подарки также и драматическимъ авторамъ и опернымъ композиторамъ, — и опять потому, что ихъ произведенія дѣйствуютъ одновременно на цѣлую массу людей. Дай Богъ, чтобы злоупотребленія вывелись, а хорошее въ обычаѣ, основанномъ на добромъ чувствѣ, осталось.

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА № 9.

А. Л. Пачановскаго.

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ матъ въ 2 хода.

Догонитъ-ли?

(Рисунки С. Александровскаго; гравир. Л. А. Сирковъ.)

Догнали !!!

АПТЕКАРСКІЕ И БЛАГОВОННО-КОСМЕТИЧЕСКІЕ ТОВАРЫ И. САВЛУКОВА.

Въ Гостиномъ Дворѣ, по Зеркальной линіи, № 39, въ С.-Петербургѣ.

Выборная парфюмери отъ фабрикъ и заводовъ:

Любенъ. Духи и помада.
Легранъ. Одезальи и кремы.
Пино. Духи Виолетъ де Пармъ.
Виоле. Мыло Тридасъ и проч. пред-
меты.
Общества врач. Париж. Порошокъ
зубной и прочіе предметы.
Гендри. Духи разныя и мыло Винд-
зоръ.
Пелетъ. Элексиръ и оданжъ для
зубовъ.
Велій. Эсъ буке.
Д-ра Эвенсъ. Порошокъ и элексиръ
для зубовъ.

Д-ра Пьеръ. Вода зубная.
Ф. Маріа Фарина.
Ж. Ф. Фарина.
Е. М. Фарина.
Ж. М. Фарина № 4.
Одеколонъ.
Ди комора. Краска для волосъ Ме-
ланожень.
Желе. Краска для волосъ Нигритинъ.
Товарищества заводовъ Царскаго
мыла.
А. Ралле и Комп. (Коммисіонеръ).
С. Сіу и Комп. Шоколадъ и Драже
(коммисіонеръ).

Подробные прейсъ-курранты по требованію посылаются немедленно
черезъ почту.Въ конторѣ книгопродавца-издателя ГЕРМАНА ГОППЕ, въ С.-Петербургѣ, на Большой
Садовой ул. въ д. Ильина, № 16, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, продается:

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РОССИИ.

GUIDE du VOYAGEUR en RUSSIE.

par J. BASTIN;

avec l'indication des lignes routières de l'empire russe, un plan de St. Pétersbourg, un plan de
Moscou, une carte de la Russie, un catalogue des tableaux de l'Hermitage et un petit guide de
conversation français-russe.

Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

НОВАЯ КАРТА СѢТИ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ ЕВРОПѢ

1—4,000,000

ИЗДАНИЕ 1868 ГОДА.

Цѣна въ печатной оберткѣ 25 к.; съ перес. 40 коп. сер.

Жители всѣхъ городовъ Россіи, кромѣ С.-Петербурга, желающіе купить эту
швейную машину, или же принять на себя агентуру оной въ большихъ городахъ,
благоволятъ обращаться къ единственному по всей Россіи агенту компа-
ніи Вилькокса и Гиббса, Ж. ВЛОКУ, въ Москву, на Кузнецкомъ мосту въ
домъ князя Голицына.Тамъ же имѣется всѣмъ извѣстная швейная машина Гауэ младшаго и вы-
боръ матеріаловъ для швейныхъ машинъ.Въ музыкальномъ магазинѣ Л. Ютти, у Полицейскаго моста,
въ д. Голландской церкви, въ С.-Петербургѣ.

ВЫШЛИ №№ 1, 2 и 3 ЖУРНАЛА

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ“ на 1869 годъ,

съ портретомъ г-жи АДЕЛИНЫ ПАТТИ.

№№ 1 и 2 заключаютъ въ себѣ 24 піесы, а № 3 за мартъ, мѣсяцъ слѣдующій
піесы:

ЗАГЛАВІЯ МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ПІЕСЪ:

Schumann. Carnaval, scènes mignonnes. op.

a) Reconnaissance.

b) Promenade.

c) Valse noble.

d) Papillons.

e) Valse Allemande.

I. Ascher. L'entrainante — Valse de concert. op.

A. Rubinstein. (Oh! si cela pouvait toujours durer ainsi). Mélodie.

N. Baranovitch. Matinées musicales Russes.

1) Mazourka № 1	op. 16.	5) Valse № 2	op. 22.
2) „ № 2	„ 13.	6) Hommage au passé	„ 28.
3) „ № 3	„ 28.	7) Prélude, op. 27, etud.	29.
4) Valse № 4	„ 6.	8) La complainte.	op. 14.

Цѣна абонемента съ преміями.

за 12 номеровъ безъ доставки 12 р. —

„ „ „ съ пересылкою 14 р. 40 к.

Цѣна абонемента безъ премій.

за 12 номеровъ безъ доставки. . . . . 10 р.

„ „ „ съ пересылкою . . . . . 12 р.

Вслѣдствіе особаго соглашенія между редакціями журналовъ

МОДНЫЙ СВѢТЪ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ

Желающіе подписаться на оба эти журнала вмѣстѣ, могутъ приобрѣсти ихъ двумя рублями
дешевле, чѣмъ подписываясь на каждый изъ нихъ отдѣльно. И такъ «Модный Свѣтъ» I из-
даніе отдѣльно стоитъ 4 р. безъ доставки, 6 р. съ пересылкою; II изданіе безъ доставки 5
руб. съ пересылкою 7 руб.; выписывающимъ же вмѣстѣ оба сказанные журнала уступаются:
безъ доставки съ I изданіемъ за 14 руб., со II изд. за 15 руб.; съ пересылкою съ I изд.
за 18 руб. 40 к.; со II изд. за 19 руб. 40 коп.Въ конторѣ книгопродавца-издателя ГЕРМАНА ГОППЕ, въ С.-Петербургѣ, на Боль-
шой Садовой ул. въ д. Ильина, № 16, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, продается:

ТАБЕЛЬ ДОМОВЪ ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА,

съ Васильевскимъ островомъ, Петербургскою и Выборгскою сторонами и
Охтою,составленная по направленію улицъ и указывающая, чей домъ въ какой части и
въ которыхъ полицейскомъ и мировомъ участкахъ состоитъ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПЛАНА ГОРОДА С.-ПЕТЕРБУРГА.

Цѣна 75 коп., съ перес. 1 руб. сер.

ТАБЕЛЬ ДОМОВЪ ГОРОДА МОСКВЫ,

составленная по направленію улицъ и указывающая, чей домъ въ какой части и
въ которомъ участкѣ состоитъ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Плана города Москвы.

12 листовъ печати. Цѣна 75 к.; съ перес. 1 р. с.